

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
_____ А.В. Прохоров
_____ 2021 г.

Убийство: понятие, признаки и отграничение от иных преступлений

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2021.11669. ВКР

Руководитель работы
доцент кафедры СОТ
_____ А.В. Майоров
_____ 2021 г.

Автор работы
студент группы ДО–538
_____ Е.Н. Гузеева
_____ 2021 г.

Нормоконтролер
ст. преподаватель кафедры СОТ
_____ Е.Н. Бородина
_____ 2021 г.

Челябинск 2021

АННОТАЦИЯ

Гузеева Е.Н. Убийство: понятие, признаки и отграничение от иных преступлений. – Челябинск: ЮУрГУ, 2021, ДО–538, 88 с., 1 табл., библиогр. список – 153 наим., 8 л. плакатов ф. А4.

Объектом выпускной квалификационной работы выступают общественные отношения, вытекающие из преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека.

Цель работы заключается в комплексном исследовании признаков и характеристике убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, в выявлении актуальных проблем и разработке рекомендаций по их разрешению.

В работе определено понятие «убийство» – как состава преступления, рассмотреть историю становления термина в науке уголовного права и в уголовном законодательстве; проанализирован объект убийства и выявлена объективная сторона убийства. Проведен анализ субъекта убийства и рассмотрена субъективная сторона убийства. Разобрано отграничение убийства от несчастного случая и самоубийства, особенности квалификации убийства. В заключительной части исследования подводятся выводы и указываются рекомендации по совершенствованию законодательства в соответствующей области.

Результаты работы имеют практическую значимость, на основе теоретического анализа правовых норм, регулирующих признаки и характеристику убийств, будет полезным при разработке программ обучения юристов, а также при изучении предметов «Уголовный процесс», «Уголовное право» и других дисциплин, а также выводы и предложения могут найти применение в системе подготовки и повышения квалификации специалистов в области юриспруденции, в организации правового просвещения населения, в научной и педагогической работе при подготовке программ, методических рекомендаций, учебных пособий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА.....	10
1.1 Понятие убийства в науке уголовного права	10
1.2 Понятие убийства в уголовном законодательстве	18
2 ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ.....	33
2.1 Объект убийства	33
2.2 Объективная сторона убийства	41
3 СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ	50
3.1 Субъект убийства	50
3.2 Субъективная сторона убийства	52
4 ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ И САМОУБИЙСТВА. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	81

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Сегодня право на жизнь является основополагающим правом человека, подлежащим особой охране и защите со стороны государства. Важнейшие международные конвенции, декларации и пакты, называя право на жизнь высшей социальной ценностью, указывают на недопустимость посягательства на жизнь и причинения смерти человеку. Конкретизация норм о защите жизни человека осуществляется в отраслевом законодательстве – уголовных кодексах, устанавливающих различные виды ответственности за противоправное лишение жизни, вплоть до применения смертной казни. Однако данная мера наказания все более утрачивает свою актуальность, поскольку противоречит основному принципу уважения прав и основных свобод человека, а также признанию абсолютного права на жизнь.

Актуальность настоящего исследования сложно переоценить. Сегодня, несмотря на постоянный процесс ужесточения ответственности за совершение особо тяжких преступлений, к которым относится и убийство, количество совершаемых убийств остается стабильно высоким. Кроме этого, до настоящего времени в научной литературе не прекращаются дискуссии по различным аспектам правового регулирования умышленного причинения смерти. Ученые обосновывают необходимость включения признака противоправности в официальную дефиницию убийства; приводят убедительные доводы для полной отмены смертной казни за совершение убийства; предлагают дополнить или сократить перечень квалифицирующих признаков убийства и т. д.

Так, по официальным данным МВД России, в 2019 году в нашей стране было совершено 10 444 факта убийств и покушений на убийство, в результате которых погибли свыше 29 тысяч человек. В 2020 году наблюдалось некоторое снижение данного показателя (9738 зарегистрированных фактов умышленного причинения смерти и покушений на убийство), что стало возможным благодаря активной работе органов внутренних дел. Однако в текущем, 2021 году, ситуация в рассматриваемой сфере продолжает оставаться весьма сложной, о чем свидетельствует количество совершенных убийств за первый квартал – 3233, из которых не раскрыто свыше 800 посягательств на жизнь человека [8]. Данные статистики наглядно показывают, что рост преступлений пришелся на 2019 год и далее намечается некоторая тенденция, направленная на снижение количества совершенных преступлений, но все же рост их на сегодняшний день достаточно высок.

Статья 2 Конституции Российской Федерации [1] закрепляет приоритет права и свобод человека, устанавливает их в качестве высшей ценности. Обязанности по защите прав и свобод человека несет государство. Исполнение указанных обязательств осуществляется государством различными средствами и способами, в частности, посредством применения мер уголовно-правового характера.

В УК РФ охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств признана в качестве одной из главных задач. Важность данной

задачи подтверждается тем, что преступлениям против личности законодатель в Особенной части отвел первое место.

Убийство как явление находится под пристальным изучением ученых в уголовном праве, криминологии и юридической психологии. Многими учеными тема убийства изучена довольно основательно, но, несмотря на это, на практике до сих пор совершаются ошибки при квалификации этого преступления и отграничения его от смежных составов, как следователями на предварительном следствии, так и судьями на стадии судебного рассмотрения дел об убийствах. А допущение подобных ошибок, может неблагоприятно и существенно повлиять на судьбы людей.

Серьезную важность проблеме уголовно-правовой борьбы с убийствами придают современные неблагоприятные процессы в структуре и динамике данных посягательств: увеличение (в отдельных регионах) количества «бытовых» убийств, которые совершены в состоянии алкогольного, наркотического опьянения; убийств, совершенных обще опасным способом и с особой жесткостью, из корыстных побуждений и т. п.

Вышеуказанные обстоятельства обуславливают актуальность проводимого исследования и свидетельствуют о необходимости проведения научного анализа в сфере правового регулирования уголовной ответственности за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах.

Степень разработанности проблемы в научной литературе. Вопросы, связанные с различными аспектами такого преступления как «убийство», рассматривались такими учеными, как Л.А. Андреевой, Ю.М. Антоняном, С.В. Бородиным, В.И. Гладких, Л.В. Иногамовой-Хегай, Т.В. Кондрашовой, И.Л. Марогуловой, А.В. Наумовым, А.А. Пионтковским, В.В. Рарогом, А.Н. Трайниным, М.Д. Шаргородским, В.А. Якушиным и другими исследователями.

В то же время, в связи с наличием спорных моментов определения понятия «убийств», отсутствия единой позиции судебных органов по отдельным проблемам отграничения убийства от иных преступлений, данную тему невозможно признать полностью исследованной и изученной, что предопределяет необходимость ее дальнейшей разработки.

Объект выпускной квалификационной работы – общественные отношения, возникающие по поводу охраны права человека на жизнь.

Предмет выпускной квалификационной работы – теоретические исследования по вопросу квалификации убийства и практики его применения, судебная практика по ст. 105 Уголовного кодекса РФ.

Цель выпускной квалификационной работы – исследование уголовного законодательства об ответственности за убийство и практики его применения, рассмотрение особенностей квалификации убийства, отграничение его от смежных составов, а также выявление некоторых проблем в данной сфере, внесение предложений и рекомендаций, направленных на их решение.

Задачи выпускной квалификационной работы:

– исследовать понятие убийства в науке уголовного права;

- изучить понятие убийства в уголовном законодательстве;
- проанализировать объект убийства;
- выявить объективную сторону убийства;
- провести анализ субъекта убийства;
- рассмотреть субъективную сторону убийства;
- разобрать отграничение убийства от несчастного случая и самоубийства, особенности квалификации убийства.

Теоретической и методологической базой исследования послужили фундаментальные концепции и разработки, представленные в научных исследованиях российских ученых по вопросам уголовной ответственности за убийство.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, системный и целевой подходы к изучаемому комплексу проблем уголовной ответственности за совершение убийства и факторов, влияющих на совершение данного вида преступных деяний. В основу конкретной методологии положены специальные методы познания: исторический, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также методы аналогии и моделирования.

Нормативно-правовую базу составили законодательные и нормативные акты РФ, субъектов РФ, материалы правоприменительной практики, регулирующие вопросы уголовной ответственности за убийство.

Информационной базой выпускной квалификационной работы являются данные Федеральной службы государственной статистики РФ, территориального органа Федеральной службы государственной статистики РФ по Челябинской области, иностранных статистических агентств, статистические базы данных университетов, международных экономических организаций, данные периодической печати, статистические других источников.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе проведен комплексный анализ дефиниции убийства как в теории уголовного права, так и в законодательстве Российской Федерации, проанализированы признаки убийства и соотношение их видов, определены общие направления уголовной политики в отношении законодательного регулирования общественной опасности такого вида преступлений как убийство.

Результаты выпускной квалификационной работы, в частности, представленные предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального права, имеют теоретическую и практическую значимость.

Теоретическая значимость работы обусловлена содержащимися в ней выводами и конкретными предложениями, направленными на совершенствование института уголовной ответственности, наступающей за совершение квалифицированного убийства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что отдельные положения настоящей работы могут быть использованы в качестве учебного материала в образовательных учреждениях системы правоохранительных

органов, юридических ВУЗов и факультетов, а также в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, педагогов, психологов, криминологов и других заинтересованных лиц.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами. Исследование состоит из введения, четырех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

1 ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА

1.1 Понятие убийства в науке уголовного права

Жизнь человека, это не только ценность для отдельной личности, но и наибольшая социальная ценность, ведь только то, общество, способно поддерживать своё существование, которое может обеспечить безопасность составляющих его индивидов. Для отдельного же человека потеря собственной жизни – непоправимая трагедия, ведь смерть является прекращением индивидуального существования особи, а значит весь накопленный опыт, все уникальные личностные характеристики оказываются, утеряны вместе со смертью, и, восполнить их невозможно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что убийство, одно из наиболее опасных для общества деяний, а значит, одно из самых тяжелейших преступлений. Однако, как не парадоксально, это и одно из наиболее распространенных правонарушений. Конечно, социум стремится бороться с этим негативным явлением, а первый шаг к успешной борьбе, верное определение преступления, на устранение которого направлена борьба.

Центральной проблемой при отнесении деяния к преступлению в виде убийства является непосредственно определение термина «убийство». При обращении к истории уголовно-правового законодательства, устанавливающего ответственность за убийство, становится очевидным, что достаточно длительный период закрепление термина убийство в законодательстве вовсе отсутствовало, а закреплялись только виды убийств.

В XV веке появился термин «душегубство», который издавна напоминает рассматриваемое понятие «убийство». В качестве стандартного определения убийства в дореволюционной литературе можно отметить: «убийство – виновное насильственное лишение жизни другого человека (ближнего)» [42, с. 24]. В дальнейшем указанное понятие трансформируется и становится уже приближенным к современному обозначению. В ходе исторического развития указанная дефиниция меняется, становясь ближе к современному понятию.

При рассмотрении понятия убийства важным становится вопрос определения моментов начала и окончания жизни, который является достаточно спорным среди теоретиков уголовного права. Еще на рубеже XIX–XX веков доминировало мнение о том, что начало жизни человека – это начало вне утробной жизни.

По мнению таких ученых как Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. моментом начала жизни необходимо считать момент отделения плода от организма матери, хотя бы частичное. Шарапов Р., Эпова Д.Д. придерживаются мнения, что началом жизни человека следует считать период, когда мозг плода начинает функционировать еще в утробе матери, это происходит на пятом месяце беременности [146, с. 75] Указанная позиция основана на том, что, поскольку моментом смерти человека считается наступление его биологической смерти или смерти головного мозга, то моментом начала жизни следует считать начало функционирования мозга, которое происходит к 22 неделям беременности [146, с. 259–262]. Представитель третьей группы ученых Романовский Г.Б, считает, что отсчет момента начала

жизни начинается с периода, когда плод становится жизнеспособным несмотря на то, что он все еще находится в утробе матери. Указанного состояния плод достигает во второй половине пятого месяца беременности [107, с. 43–49].

Анализ предложенных вариантов отсчета начала жизни человека является обоснованным, поскольку с медицинской точки зрения плод считается жизнеспособным именно с 22 недель беременности. Следовательно, противоправное причинение смерти плоду после указанного срока должно быть уголовно наказуемым, так как смерть причиняется организму, полностью готовому к жизни вне утробы матери. Не смотря на имеющуюся дискуссию по теме исследования, наиболее востребованной и актуальной продолжает оставаться точка зрения, в соответствии с которой начало жизни человека наступает в момент живорождения.

Жизнь является состоянием, ограниченным во времени, векторным, самопроизвольным психофизиологическим существованием индивида. Началом вектора является рождение, концом – смерть. Рождение – это осуществление процесса родов – физиологическое явление выхода из материнской утробы детеныша животного или человеческого младенца. Является дискуссионным вопрос, с какого момента родового процесса можно считать человеческий плод (плод – с медицинской точки зрения, это человеческий зародыш с девятой недели развития в утробе матери, до момента родов) ребенком, то есть человеком, жизнь которого подлежит охране. Вариантов множество, но стоит обратить внимание на три основных.

Первая концепция предлагает считать началом человеческой жизни момент начала родового процесса. Данная позиция весьма спорна, уже хотя бы потому, что естественные физиологические роды, вовсе не обязательно должны привести к появлению живорожденного человеческого ребенка. Роды могут оказаться изгнанием крупного, погибшего в утробе плода, и (или) повлечь за собой мертворождение. Примером спорности концепции может служить случай, произошедший на периферии одного из регионов РФ, когда в процессе беременности не был, по объективным причинам выявлен порок развития плода: в больнице не было соответствующего оборудования, и не было показаний для направления беременной женщины в районный центр, так как беременность протекала без осложнений. Роды привели к гибели плода, но при возросших нагрузках, при родовом процессе, именно данный плод и не мог остаться живым, поэтому фактически, момент начала родов, был моментом начала смерти плода. Могло бы помочь кесарево сечение, но оснований к его проведению не было.

Вторая концепция – является более обоснованной и считает началом жизни момент физиологического отделения плода, демонстрирующего признаки жизни, от организма матери. Авторы подхода признают фактом начала жизни человека живорождение. Понятие живорождения, на которое ссылаются авторы данной концепции, раскрывается в Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода». Живорождением может считаться только полное естественное изгнание организмом матери плода или принудительное извлечение продукта зачатия из материнского организма, вне

зависимости от продолжительности беременности, при этом плод должен после изгнания или извлечения дышать и (или) проявлять другие признаки жизни: сердцебиение, пульсацию пуповины, демонстрировать произвольные движения мускулатуры, вне зависимости от того, была ли перерезана пуповина и была ли отделена плацента. Плюсом данной точки зрения является и то, что авторы учитывают в качестве рождения медицинские процедуры, такие, например, как кесарево сечение («принудительное извлечение»).

Третья концепция, определяя время начала человеческой жизни, указывает на то, что человеческого ребенка следует признать живорожденным с того момента, когда из организма рожаящей женщины появляется хотя бы часть тела младенца, на которой заметно сердцебиение. Обсуждение этой точки зрения излишне, так как именно её придерживается современный законодатель. Законодатель указывает, что для начала осуществления уголовно-правовой защиты на основе государственного принуждения, основным и очевидным характерным признаком продукта родов должны быть сердцебиение и дыхание. Плацентарное дыхание и сердцебиение плода появляются ещё в утробе матери. Поэтому, даже частичное появление младенца с указанными функциями визуально фиксируемых частей тела, следует считать началом жизни данного индивида. С этого момента, плод является ребенком, то есть становится человеком, жизнь которого охраняется на государственном уровне [15, с. 22].

Многие ученые подчеркивают, что живорожденность не стоит идентифицировать как жизнеспособность. Жизнеспособностью называют – способность плода, результата зачатия, искусственно извлеченного, либо изгнанного естественным путем из материнской утробы, к самостоятельной жизни без поддержки организмом матери. Жизнеспособность можно определить только после констатирования факта рождения продукта беременности живым. Значит, даже если жизнеспособность младенца не велика (степень жизнеспособности незначительна), посягательство на его жизнь рассматривается как посягательство на жизнь человека.

Положения закона не разграничивают смерть мозга и биологическую смерть. Данный факт подтверждается в Постановлении Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» [8]. Столь же сложно определить понятие человеческой смерти. Медицинские работники, юристы и теологические деятели, до сих пор часто заходят в тупик, разрешая проблему наличия жизни в человеке, мозг которого погиб, но дыхание и кровообращение сохраняются и поддерживаются искусственно при помощи медицинских технологий. Большинство считает, что полная смерть головного мозга является концом индивидуальной жизни человеческого существования. Меньшинство, полагает, что жизнь в этих обстоятельствах, нельзя считать завершившейся.

Большая Советская энциклопедия дает однозначное понятие гибели человеческого организма, где смерть – понималось прекращение

жизнедеятельности организма, его гибель. Смерть человека – это прекращение, в первую очередь дыхательного цикла и цикла кровообращения. Медицина выделяет два этапа умирания: клиническая смерть (остановка сердечного ритма) и биологическая (истинная), – заключающаяся в необратимом прекращении естественных физиологических процессов в организме, его клетках и тканях, прежде всего в клетках и тканях головного мозга. Данное определение смерти индивида подтверждается Законом Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 г. В данном законе, момент прекращения индивидуальной жизни человека соотносится с констатированием необратимого прекращения функционирования головного мозга. Значит, остановка сердца (клиническая смерть), не является окончанием жизни, смерть человека наступает лишь тогда, когда происходят необратимые изменения клеток коры больших полушарий головного мозга человека [14, с. 45].

Убийство является деянием (действием, бездействием), заключающемся в причинении смерти жертве, и причинение смерти должно быть умышленным. Как уже упоминалось, убийство может совершаться при помощи активного действия, либо пассивно, бездействием. Чаще, активное действие – насилие, нарушающее функционирование человеческого организма жертвы, либо повреждающее жизненно важные органы. Хотя насилие может быть как физическим, так и психическим воздействием. Физическое насилие предполагает повреждение жизненно важных органов, отравление, удушение. Психологическое насилие (воздействие) заключается в психическом травмировании жертвы, страдающей тяжелым заболеванием, что и приводит к смерти потерпевшего. Но убийца при этом должен знать о тяжелом состоянии здоровья жертвы и желать наступления смерти. Убийство при помощи бездействия возможно если есть объективные и субъективные предпосылки преступления: на убийцу, законодателем, профессиональными обязательствами, или имевшейся возможностью спасения жизни, специально возложены обязанности охраны жизни. Бездействие, как способ убийства редко и трудно доказуемо [2, с. 45].

Специфичность этого понятия в уголовном праве в том, что причиной может быть лишь деяние, являющееся социально опасным, а следствием наступление общественно опасных последствий. Касаясь убийства, признание наличия причинно-следственной связи возможно только тогда, когда действие, либо бездействие субъекта преступления однозначно приводит к гибели жертвы, то есть становится причиной гибели. Время между деянием и наступлением последствий роли не играет. Даже если минул значительный отрезок времени между совершением деяния и смертью человека, преступление всё равно – убийство [4, с. 15].

Закон утверждает убийство как деяние, совершенное с умыслом, и этот факт характеризует субъективную сторону состава. Наличие умысла отделяет убийство от причинения смерти по неосторожности. В случае убийства, преступник понимает, что совершает посягательство на жизнь жертвы, осознает неизбежное или реально возможное наступление гибели жертвы, хочет, чтобы гибель наступила, либо осознано допускает наступление гибели (прямой и косвенный

умысел). При установлении биологической смерти смерть констатируется сразу и реанимационные мероприятия не проводятся. Таким образом, момент смерти человека совпадает со смертью мозга при условии неэффективности реанимационных мероприятий в течение 30 минут или с моментом биологической смерти.

Возвращаясь к вопросу о понятии убийства, считаем, что особенности каждого из определений, представленных в работе, можно рассмотреть наглядно в следующей таблице:

Таблица 1 – Определения понятия убийство

Автор	Понятие	Недостатки
Бородин С.В	Убийство – деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть	Определение объективной стороны убийства законодателем как «причинение смерти» представляется не совсем удачным, так как данное словосочетание указывает на то, что лицо вызывает смерть другого человека и тем самым лишает его жизни. Более предпочтительным, близким по смыслу и направленности на объект преступного посягательства было бы определение убийства как «лишение жизни».
Загородников Н.И	Убийство – «противоправное, умышленное или неосторожное, лишение жизни другого человека, когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности	Умышленное или неосторожное, лишение жизни другого человека
Пионтковский А.А. [105, с. 12] Побегайло Э.Ф. [106, с. 12]	Убийство как противоправное лишение жизни	Доктринальные определения убийства этих авторов включают в него признак противоправности или запрещенности уголовным законом как необходимый. Это позволяет отграничить убийство от всех видов неправомерного причинения смерти другому человеку.
Шиян В.И.	Убийство является предусмотренным в Особенной части УК РФ виновным действием, которое посягает на жизнь другого лица и причиняет ему смерть	Убийство определялось в качестве преступных действий, в результате которых смерть была причинена другому лицу; в качестве неправомерного лишения жизни другого лица.
Антонян Ю.М [32, с. 143]	Убийство – противозаконное неосторожное или умышленное лишение жизни человека, вне зависимости от состояния здоровья и возраста	Если лишение жизни по неосторожности признавать как убийство, то мораль и право ослабят отрицательный момент такого преступного деяния.

Окончание таблицы 1

Автор	Понятие	Недостатки
Кузнецов В.И. [78, с. 23]	Убийство – общественно опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому лицу при условии, что оно не направлено одновременно на другое охраняемое уголовным законом общественное отношение.	С учетом признаков общественной опасности, противоправности, умышленного причинения смерти другому человеку, оно будет признаваться убийством, если не направлено одновременно на другое охраняемое уголовным законом общественное отношение
Трайнин А.Н. Шаргородский М.Д. [149, с. 38]	Убийство – лишь умышленное лишение жизни.	Аргументы: опасность умышленного и неосторожного лишения жизни слишком различна.
Кириллов А.А. [75, с. 26]	Убийство – это умышленное уголовно-противоправное лишение жизни человека.	
Бабичев А.Г. [32, с. 178]	Убийство – умышленное причинение смерти, по неосторожности убить человека нельзя.	
Лопашенко Н.А.	Под убийством следует понимать общественно опасное, запрещенное уголовным законом и наказываемое в соответствии с его нормами деяние (действие или бездействие), посягающее на жизнь другого человека как неотъемлемое его благо, заключающееся в умышленном причинении этому человеку смерти	Есть в данном определении недостаток: отсутствует важный признак «противоправность» уголовно-правового деяния

Обобщая все вышеизложенное, можно отметить одну важную деталь, которая прослеживается явно или косвенно в каждом из определений: лишение жизни другого человека, которое сопровождается наступлением смерти. Необходимо понимать, что убийство – это не только посягательство на жизнь, но и лишение жизни или посягательство, приведшее к смерти, причинившее смерть другому человеку. Смерть является конечным моментом человеческой жизни. Исходя из смысла предложенных определений убийства, видим, что большинство ученых в указанной выше таблице, сходятся на позиции того, что убийство может быть совершено только умышленно. Другим признаком является то, что убийство – это всегда лишение жизни другого человека, и оно должно быть противоправным.

Современная трактовка понятия «убийство», закрепленная в ч. 1 ст. 105 УК РФ выглядит так: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку...». Из смысла данного определения видно, что правоприменитель связывает данное понятие «убийство» лишь только с умышленной формой вины. А неосторожное лишение жизни выделено законодателем в отдельный состав

преступления, предусмотренный ст. 109 УК РФ.

Как считал М.Д. Шаргородский, выражение «неосторожно убить» чуждо русскому уху, как и выражение «неосторожно поджечь» и отмечал, что по неосторожности можно только вызвать пожар или смерть [149, с. 38]. Такой позиции на сегодняшний день придерживаются и современные исследователи уголовного права. Таким образом, будет правильным решение законодателя отказаться от применения понятия «неосторожное убийство», закрепив его в ст. 109 УК РФ, а в ч. 2 ст. 109 УК РФ, усилив уголовную ответственность вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Интересным является определение убийства, предложенное Н.А. Лопашенко, в котором содержатся такие признаки как общественно опасное, запрещенное уголовным законом и наказываемое в соответствии с его нормами деяние (действие или бездействие), посягающее на жизнь другого человека как неотъемлемое его благо, заключающееся в умышленном причинении этому человеку смерти. Несмотря на то, что понятие выглядит довольно-таки полным, все же возникает вопрос о не включении в него такого признака как «противоправность» уголовно-правового деяния.

При этом доктринальные определения убийства таких ученых как А.А. Пионтковского [105, с. 12], Побегайло Э.Ф. ряда других авторов В.П. Ревин, Р.А. Базаров, включают в него признак противоправности или запрещенности уголовным законом как необходимый. Это позволяет отграничить убийство от всех видов неправомерного причинения смерти. другому человеку.

Наиболее развернутое определение убийства дано Кузнецовым В.И. (его формулировка имеется в выше рассмотренной таблице), которое имеет важное практическое значение, поскольку оно дает возможность:

- 1) отграничить состав убийства от менее опасного состава – криминального аборта (ст. 123 УК РФ);
- 2) раскрывает важный квалифицирующий признак убийства, совершенного неоднократно, закрепленный в п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 3) разграничивает убийство от составов, обладающих большей общественной опасностью, в частности, от посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) [78, с. 23].

Признак, позволяющий разграничивать убийство и составы, обладающие меньшей общественной опасностью или, наоборот, большей, указывает, что деяние признается убийством, если оно не направлено одновременно на другое, охраняемое уголовным законом, общественное отношение.

Изучение источников литературы, нормативно-правовых актов позволяет сделать некоторое заключение о том, что закрепление более полного определения «убийство» в ч. 1 ст. 105 УК РФ, с конкретизацией признаков, позволило бы правоприменителю избежать ошибок в квалификации и как следствие осуждение невиновного лица.

В последние годы попытки осмыслить содержание столь важного и сложного уголовно-правового понятия и дать его доктринальное определение почти

прекратились, хотя в этом имеется насущная необходимость не только с теоретических позиций, но и с точки зрения практиков.

Исследовав различные дефиниции убийства, предлагаем сформулировать следующее определение: «Убийство – это общественно опасное деяние, носящее противоправный характер, выраженное в умышленном причинении смерти другому человеку и не направленное одновременно на какое-либо иное охраняемое уголовным законодательством общественное отношение». Из приведенного определения выделим признаки, характеризующие уголовно-правовое явление:

1) убийство представляет собой причинение смерти другому человеку. Данный признак позволяет отграничить состав убийства от самоубийства, не признанного в нашей стране преступлением, отграничить рассматриваемый состав от несчастного случая. За закрепление данного признака выступали многие ученые, в частности С.В. Бородин, предлагающий под термином убийство понимать закрепленное в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации уголовно-правовое деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть, совершенное виновно. Необходимо отметить, что недостатком является отсутствие конкретизации термина «виновное», поскольку, как известно, существует две формы вины как умысел и неосторожность. Таким образом, данное обстоятельство не позволяет нам отграничить состав убийства от других составов преступлений, повлекших смерть человека;

2) причинение смерти представляет собой последствие преступления, предусмотренного составом ст. 105 УК РФ, без наступления которого нельзя говорить о наличии состава убийства. Уголовно-правовое деяние может быть квалифицировано в качестве убийства только в случае причинения насильственной смерти потерпевшему, тогда смерть, произошедшая естественным образом, никаким образом не может быть квалифицирована как убийство;

3) противоправность (неправомерность) уголовного деяния в виде убийства. На наш взгляд представляет собой один из важнейших признаков убийства, обозначенных теоретиками уголовного права для всеобъемлющего понимания уголовно-правового явления как убийство для возможности проведения разграничения состава убийства от правомерного лишения жизни (необходимая оборона, исполнение приказа и др.);

4) в случаях, установленных уголовным законом, убийство выступает в качестве необходимого признака объективной стороны иного преступления. Таким образом, законодатель подчеркивает особую общественную опасность преступления, поскольку убийство в таком случае расценивается не только в качестве посягательства на жизнь, но и на определенную систему ценностей, включающую в себя непосредственно право на жизнь (допустим, террористический акт).

Например, А.Н. Красиков подчеркивает, что при квалификации убийства необходимым является указание на непосредственный объект преступного посягательства – право на жизнь. А.И. Коробеев полагает, что законодательное

определение является крайне лаконичным, вследствие чего из имеющегося законодательного определения упущен признак противоправности и характеристики, указывающие на объект посягательства.

Как уже говорилось ранее о признаке противоправности, его отсутствие создает невозможность отграничения состава преступления в виде убийства от имеющихся законодательно закрепленных правомерных способов лишения жизни человека, таких как, например, необходимая оборона. По смыслу закона необходимая оборона в России не признается убийством и, соответственно, не имеет признак противоправности. Проанализировав имеющиеся различные точки зрения ученых (Бородин С.В., Загородников Н.И., Пионтковский А.А., Кузнецов В.И. и др.), относящиеся к понятию убийства, можно отметить, что в настоящее время в теории разработано достаточно полное понятие такого уголовно-правового явления, как убийство с раскрытием всех необходимых признаков.

Таким образом, представляется необходимым применить имеющиеся теоретические разработки в законодательной практике для совершенствования имеющегося в действующем УК РФ понятия убийства.

1.2 Понятие убийства в уголовном законодательстве

Право на жизнь представляет собой неотъемлемое право каждого человека, гарантированное как международными правовыми актами (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года) [1], Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [2] так и национальными правовыми актами: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Качество законодательства, определяющего меры ответственности за незаконное применение летальной силы, является позитивным обязательством каждого государства [37, с. 335–340]. В соответствии со ст. 20 Конституции Российской Федерации каждый человек имеет право на жизнь. Несмотря на охрану права, на жизнь на международном и национальном уровнях, провозглашение жизни человека высшей ценностью, данные официальной статистики показывают, что хотя уровень преступности в последние годы снижается, объяснить это можно тем, что происходит более эффективная работа полиции и технологического развития средств безопасности, все же убийства в России остаются одним из самых тяжело раскрываемых преступлений.

Убийство себе подобного, является табуированным поступком для особи социального вида, поскольку факт настолько развитой внутривидовой агрессии, ставит под удар саму возможность общественного сосуществования. Поэтому индивиды, склонные к физическому уничтожению себе подобных без весомых социальных оправданий (угроза собственной жизни, делегирование полномочий от общества, навязанный самим обществом образ врага, случайность и т. д.), являются угрозой для самих социальных единиц, содержащих агрессивных особей в своем составе. Во многих религиозных мифологических текстах

содержится указание на то, что первым преступлением человека против человека было именно убийство. Проверить достоверность подобных сообщений не представляется возможным, но несомненным можно считать тот факт, что уже на заре человечества, убийство вызывало достаточно негативный отклик для того, чтобы порицаться родоплеменной общиной, а затем прообразами государственных образований и войти в устные догматы традиционного, а затем и зарождающегося теологического права. Подобная эволюционная концепция касается большинства развитых общественных видов высших животных, но наиболее развита, конечно, у человека. Убийство в человеческом социуме становится наказуемым деянием одним из первых. Римская Империя оставила письменные памятники права, где указаны составы преступлений, среди которых выделяется и убийство [18, с. 141].

Исторический анализ документов свидетельствует о том, что убийство, как деяние, за которое предусмотрено наказание, упоминается впервые в источниках национального права Руси, а конкретно в договорах Великих Князей Олега (в 911 году) и Игоря (в 945 году), заключенных с греками. Князь Олег прямо указывает что: «Если русин убьет христианина или христианин убьет русина, он умрет на месте, где совершил убийство. Если же убийца скроется и у него окажется имущество, то ближайший родственник убитого получит часть его имущества. Если же скрывшийся убийца не имеет имущества, он остается под судом, а после розыска подлежит смерти». Очевидно, что документ появился в результате обострения международных взаимоотношений, вследствие тесных контактов руссов и греков. Поэтому наряду со значением этого памятника в национальной истории права, велика и его роль в истории развития международного права. Указанное положение преемственно переходит в договор Князя Игоря (помещено в статью 12). Эти договоры признавали обоснованными случаи причинения смерти виновному в убийстве человеку, если убийца пытался скрыться, сбежать. Однако, кровную месть данные законодательные документы не отменяли [18, с. 63].

Чтобы понять, как обстояло истинное положение в социуме Древней Руси, относительно убийства и ответственности за него, стоит обратиться к документу сугубо национального права (хотя ряд стран впоследствии и заимствовал часть положений для собственных правовых систем), к Русской Правде Ярослава. При анализе документа видно, что кровная месть не исключена, но заметны попытки её ограничить (из чего видно, что ранее данного документа и подобных ограничений не было). В Русской Правде Ярослава приведен исчерпывающий перечень лиц, которые могут выступать как кровные мстители и взыскивать смертью за смерть родича. Перечень указывает на право отмщения братом только за брата, сына за отца и отца за сына, и брата кровной сестры за её сына. Женщины в состав кровных мстителей не входили.

Первые списки Русской Правды предоставляли возможность выдачи родственникам кровника-убийцы (кровь между ними). Мстители получали право взыскать по своему усмотрению. То есть возмездие за убийство осуществлялось не государством в лице князя, а узким кругом правопреемников (родичей),

которым князь делегировал свои государственные полномочия. Хотя существует ещё одна точка зрения, не менее обоснованная и более согласованная с концепцией присвоения государством, по мере развития последних, судебной власти рода и общины, и постепенного подчинения механизма принуждения индивидов государственному аппарату. Если опираться на эту концепцию, то князь постепенно отнимал у родичей право на кровную месть, а, подчиненные ему люди, по умолчанию делегировали ему полномочия на месть за себя (как отцу, защитнику, радетелю). С позиции гуманизации общества тенденция позитивная, позволившая поднять численность населения. С позиции легитимности традиционного права – едва ли. Дети Князя Ярослава создали более прогрессивную редакцию Русской Правды. Около 1050 года в данный правовой документ вносится положение об ограничении власти мстителей над виновным в процессе осуществления кровной мести. В дальнейшем это положение прогрессирует, включая в себя возможность для убийцы откупиться от родственников убитого человека. Выплаты, осуществлявшиеся убийцей, как правило, имели единовременный характер, не имели фиксированного размера (размер определялся договором убийцы и родственника потерпевшего), и не имели отношения к финансовому положению князя. Назывались подобные выплаты – головщиной. Однако, помимо головщины в законодательных документах этого времени вводится ещё одна выплата – вира. Вира взималась в том случае, когда у убитого человека, не оставалось кровных родственников имевших право преследовать убийцу на основе мести. Князь, в данных обстоятельствах выступал в качестве такого родича. Вира поступала в казну князя в качестве конфискованной собственности, со всеми присущими обременениями.

Закон определял и утверждал вполне определенный и фиксированный размер виры. В случае убийства простого свободного человека: русина, гридина, ябетника, изгоя, словенина или купчины убийца был обязан выплатить виру в 40 гривен. В случае если убитым был муж (боярин), вира назначалась двойной и составляла 80 гривен. В период княжения Ярослава и его детей (и ещё долгое время после этого, вплоть до Столыпинских реформ), общество составляло совокупность общин, основанных по родовому или соседскому признаку. Данные микросоциумы имели свой уклад, быт, традиции и обычаи, свойственные или только данной общине, или народности, племени к которым принадлежало подавляющее число поселенцев. По факту, община представляла собой не только совокупность людей, организующую совместное ведение хозяйства, но некую административную единицу, с собственным самоуправлением, коллективной ответственностью, связанную круговой порукой. Вследствие этого взаимодействие общины с князем носило очень специфический характер. Если личная ответственность индивида была невозможна, по объективным обстоятельствам (личность преступника не выяснена, либо преступник болен и т. д.), то община могла выступать в ряде случаев как субъект уголовного права. Этот феномен основывался на том, что община (общество, составлявшее округ, вервь) ручалась перед князем, а значит перед законом, за каждого из составлявших её членов, которые были обязаны сохранять между собой мир,

безмятежность и главное покой, иначе возникало бы недоверие к их персонам, когда на территории общины обнаруживался труп, и все члены сообщества платили дикую виру, если не известно кто убийца, а в случае если известно и он член общины, то община платила все 40 гривен [18, с. 76].

С течением времени, ситуация в уголовном праве Руси постепенно меняется. Государство в лице Князя окончательно закрепляет за собой право на возмездие, искореняя право частной мести. Вира начинает выплачиваться на постоянной основе, а не только в тех случаях, когда родичей-взыскателей нет. Вирный платеж осуществляется вместе с головническим. То есть, так как не было никого, кто имел бы право мстить в глазах закона, то вира взималась в пользу княжеской казны в каждом случае, ведь Князь принуждал преступника к ответу силой своей власти. Головничество же осуществлялось в пользу семьи убитого (наследников, близкой родни) [18, с. 150].

В процессе завершения объединения земель российских и образования Русского Централизованного государства, появляется необходимость создать законодательный акт, устанавливающий единообразное правовое регулирование. Таким актом становится Судебник 1497 года, который частично объединяет, лежавшие в его основе, возникшие в различные временные отрезки, в разных территориальных единицах Руси, нормативно-правовые акты (Уставные грамоты, «Русская Правда»).

Но, нормы этих актов входили в Судебник сильно измененными, а также были добавлены новые нормы. Преступление теперь предполагает не только «обиду» (причинение материального либо морального вреда).

Преступление – является нарушением установленных законом норм, либо волеизъявления государя, которое было неотрывно связано с благополучием государства. Преступления против личности содержат квалифицированные убийства: «государский убийца», «разбойный убийца». Усложняются наказания, возникают иные цели процесса наказания: запугивание и изолирование преступника. Власти желают показать всеисилие над преступником. Смертная казнь, является так же высшей мерой, которую мог отменить (помиловать) государь [18, с. 211]. С точки зрения охраны жизни, интересен, датированный 1456–1462 годами, нормативно-правовой документ: «Запись о душегубстве». Государство проясняет в нем собственное отношение к охране жизни человека. Душегубством, является и человекоубийство, и самоубийство, и внезапная смерть от несчастного случая. То есть в этот период, государство рассматривает человеческую жизнь как абсолют. Самоубийцы преследуются наравне с убийцами. Такая реакция на самоубийство спровоцирована христианским учением, где суицид – является смертным грехом [19, с. 35].

1649 год ознаменовался утверждением в Земском соборе Уложения, в связи с чем уголовное право приобретает государственно–публичную направленность. Происходит усиление Царской власти, и Московский царь приобретает права законодателя, судьи, управленческие и верховные военные функции. Уложение закрепляло такие источники права как: судебник, указная книга приказов, царский указ, думский приговор, решение Земского собора, Стоглав,

законодательство Литвы и Византии. Многие составы относились к преступлениям против человеческой личности и включали в себя телесные повреждения, убийство, бой (побои), оскорбления словом и делом. Встречаются уже и квалифицированные виды убийства:

- причинение детьми смерти родителям – смерть без пощады;
- убийство ребенка, рожденного вне брака матерью;
- убийство мужа;
- убийство через отравление.

К привилегированным убийствам отнесли: причинение смерти родителями детям, (один год лишения свободы), ведь родители по христианской доктрине получали полную власть относительно собственных детей. Привилегированным считалось убийство, совершенное в драке по пьяному делу.

Уложение признает несколько форм вины убийств: умышленное, неумышленное. Дифференцируется и ответственность, умышленное убийство предполагало смертную казнь, неумышленное убийство характеризовалось другими видами ответственности. Помимо этого, Уложение предусматривало отсутствие наказания за случайное (невиновное) причинение смерти. Самостоятельными составами являлись подстрекательство к убийству, покушение на убийство. Уже с XVI века, законодательство отделяет от разбоя, однако, практика «Разбойного приказа» содержит оба состава вместе. Окончательно их отделило лишь дифференциацию Соборное Уложение [19, с. 27].

Петр I инициировал нововведения в области уголовного закона, поправки имели государственно–публичную направленность. Причиной стало обострение противоречий общественных групп, классов, проведение государственных реформ. В государстве один за другим вспыхивали бунты, законодательство давно устарело и не могло результативно регулировать общественное поведение. К тому же абсолютизм на дворянско-чиновничьей основе требовал закрепления легальности и легитимности законодательно.

Воинский и Морской Артикулы, изданные Петром, утверждают весьма жёсткие наказания, предназначенные, прежде всего, для военных, но использовались и для наказания гражданских. Глава 19 в Воинском Артикуле устанавливала наказание за убийство, причем, здесь более четко происходит подразделение на умышленное и неосторожное убийство. Заметно деление на квалифицированное убийство и простое. Виды квалифицированного убийства включали в себя:

- наёмное убийство;
- совершенное из корысти;
- убийство детьми своих родителей;
- убийство «дитяти во младенчестве»;
- убийство при помощи отравления и иные.

Вводилась ответственность при убийстве на дуэли, дуэльное убийство относилось к квалифицированным. Виновным объявлялся не только убийца соперника, но, вместе с ним секунданты, и сам убиенный.

Самоубийство так же оставалось квалифицированным видом убийства. Артикул вводил положение о судебно-медицинской экспертизе в делах касательно убийства, для выявления причинно-следственной связи деяния и общественно опасными последствиями, а это говорит о возросшем желании единообразия в правосудии и укреплении принципов справедливости единой для всех. Воинские Артикулы, 1715 года, имеют основные принципы уголовного наказания, определяют преступление, вину, раскрывают цели наказания, необходимую оборону, крайнюю необходимость, приводят список смягчающих, отягчающих обстоятельств.

Многие авторы оспаривают законодательную деятельность Петра, некоторые говорят, будто Петр переписывал западные нормы. Иные признают, что использование западных правовых источников, с приемлемыми к условиям России изменениями, не предосудительны и перспективны. Второе мнение более объективно, ведь с Древнейших времен, русские перенимали прогрессивные аспекты законодательства у других государств: Византии, Литвы. Даже современное российское законодательство вынужденно подтягивается под уровень мировых стандартов и ратифицированных международных соглашений, заимствуя некоторые нормы [19, с. 87].

Следующей ступенью реформ права становятся нововведения Екатерины II, инициировавшей новое государственное законодательное Уложение и перестройку общественной и гражданской жизни, основываясь на европейском законодательстве. Она сочинила «Наказ», включивший философские и правовые идеи передовых мыслителей Европы: Беккарии, Монтескье, Руссо и иных ученых. Некоторые части «Наказа» обычно считают Основами уголовно-правового законодательства. Хотя влияние этой работы прослеживается лишь в первой половине XIX века [19, с. 90].

Александр I, в 1804 году, формирует комиссию, призванную заняться формулированием прогрессивных уставов во всех правовых отраслях. Николай I, в 1826 году возобновил процесс кодификации. В результате в 1830 году возникает «Полное собрание законов Российской империи». Эта же комиссия работала над созданием Свода законов, должно привести в систему действующие законы в разных отраслях права, включая нормы про преступления и наказания. С одной стороны, подобная работа являлась весьма прогрессивной тенденцией в отечественном праве, а с другой, свидетельствовала об отсталости права России относительно Зарубежного (западного) права. Освещая уголовное законодательство этого отрезка времени, можно отметить, что Свод законов выносил на первое место преступные деяния, направленные против Отечества, государя, веры православной, и только на второе преступные деяния против подданных, частных лиц, к таким преступлениям относились и убийства. Предпринималась попытка определить законодательно термин «убийство». Убийство подразделяли на умышленное убийство, либо неосторожное убийство; простое убийство, либо квалифицированное. Часть квалифицированных составов перешли от Соборного Уложения 1649 года, а также Воинских Артикулов Петра, но возник и ряд новых составов: убийство родителей детьми, братоубийство,

убийство супругом другого супруга, лишение жизни подчиненных начальниками, либо начальников подчиненными, суицид [19, с. 118].

Вследствие казуистичной конструкции норм уголовного права и отсутствия общей терминологии, в 1836 году стартует пересмотр уголовного законодательства, в котором участвуют и российские, и иностранные ученые. Следствием стало издание в 1845 году измененного Уголовного кодекса, названного «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных». В этом документе сохранена сословная квалификация наказания и определения санкции, соотносимо с сословными привилегиями. Выделялась уже субъективная сторона состава преступления, подразделявшаяся на:

– умысел:

а) умысел, при заранее обдуманном намерении;

б) умысел, при внезапном побуждении непредумышленном;

– неосторожность, когда:

а) последствия преступления не были предвидены;

б) вредные последствия нельзя было предвидеть вовсе. Особый раздел включал нормы, относившиеся к частным преступлениям: посягательства на честь, жизнь, здоровье, свободу.

Первое место выделялось преступлениям против жизни, объединенным в две группы:

– посягательство и смертоубийство;

– преступления, касательные суицида.

Выделялось убийство простое (отсутствуют квалифицирующие и привилегированные обстоятельства), и квалифицированное убийство, привилегированное убийство, и неосторожное. Первая категория включала убийства с умыслом, который не был обдуман заранее, если нет других квалифицирующих факторов. Вторая включала убийства имеющие квалифицирующие аспекты (например, отцеубийство). Третья имела привилегированные признаки, и мягкую санкцию, (пример – убийство матерью ребенка, рожденного вне брака) [20, с. 22].

1861 год стал годом отмены крепостного права, назрела судебная реформа, проведенная в 1864 году, поэтому Уложение 1845 года сразу устарело и перестало отвечать жизненным реалиям, в связи с чем документ изменялся и дополнялся в 1866 году, 1885 году, 1903 году). Хотя само Уложение продолжало действовать до февраля 1917 года. Положительным моментом Уголовного Уложения 1903 года, являлось его отличие от более ранних высокой юридической техникой и степенью ответственности за совершение преступлений против жизни. Любопытно выделения в отдельные составы убийства либо умерщвления плода. Различным в этих преступлениях был субъект:

– убийство совершалось матерью;

– умерщвление врачом либо повитухой.

Уголовное Уложение 1903 года, исключает наказуемость суицида, оставляя ответственность за действия, приведшие к гибели другого человека.

Самостоятельное значение имели составы убийства и способствования суициду. Много преступлений включала в себя группа составов, где предполагалось причинение смерти жертве самим преступником. Основой такой системы явился признак формы вины. Был и умысел в причинении смерти, и неосторожность в лишении жизни. Составы убийства предлагалось отнести к основному, квалифицированному (убит восходящий либо нисходящий родственник, супруг, брат, сестра; священнослужитель и иные) [19, с. 120].

XIX столетие в национальном уголовном праве ознаменуется развитием научно-практической деятельности. Наука уголовного права помнит ученых этого периода: Нейман И., Горегляд О., Солнцев Г., Цветаев Л., Гуляев П., Баршев С., Неклюдов И.А., Калмыкова Л.Д., Таганцев И.С., написавший монографию «О преступлениях против жизни» (1870–1871 годах). Однако в уголовно-правовой литературе по проблемам преступлений, совершенных против жизни, прослеживается комментаторский стиль. Ведь общей точки зрения у ученых-криминалистов не наблюдалось, каждый стремился внести свой вклад в систему, виды составов преступлений. И все же, научные изыскания ученых в это время были весьма ценны для дореволюционного периода развития закона [19, с. 125].

Последствием Октябрьской революции явился полный отказ от всех достижений буржуазного общества, столь чужого юному Советскому государству. Законодательство разделило эту участь и в части уголовного закона. Частично, правда, на основе Декрета № 2 о судах, уголовный закон продолжал действие, если не противоречил правосудию Советов. Первая попытка обобщения практики чрезвычайных трибуналов и судов была предпринята в декабре 1919 года, и привела к принятию «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР».

1922 год ознаменован принятием первого Уголовного кодекса РСФСР. В нем выделялась глава, содержащая список преступлений против жизни, здоровья, свободы, достоинства человека, где первостепенным было понятие убийства. Глава повторяла составы, содержащиеся в Уголовном уложении 1903 года. Исключались, правда, два состава: убийство матерью новорожденного ребенка и убийство по согласию потерпевшего из чувства сострадания к нему. Однако, Уголовный Кодекс 1922 года улучшает юридическую технику конструкций в составах преступлений, совершенных против жизни. Уголовный кодекс 1922 года предусматривает весьма мягкие санкции при квалифицированных преступлениях против личности, преступника лишали свободы от 8 до 10 лет, однако, в сфере государственных и должностных преступлений санкция включала смертную казнь. То есть уголовное право прежде всего обеспечивало защиту государству, и, лишь вторично частный, в том числе – право на жизнь. Более поздние кодексы предписывали более жестокие наказания в отношении квалифицированных убийств. Хотя, и более жестокие санкции оставались несопоставимы с санкциями против государственных преступлений (хищение имущества общества и государства могло привести к двадцати пяти годам заключения). Только 1954 году Президиум Верховного Совета СССР разработал Указ «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство», в котором происходило

ужесточение наказания за убийство до смертной казни [10, с. 31].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, почти полностью повторяет признаки квалификации убийства кодекса 1922 года. Эти признаки включали: корысть, ревность (неподходящую к состоянию аффекта), иные низменные побуждения; рецидив в области умышленного убийства, либо нанесения тяжких телесных повреждений; способа, опасного для жизни множества людей, либо особенно мучительного для жертвы; преследуя цель облегчить либо сокрыть иное тяжелое преступление; совершение субъектом, который, был обязан особенно заботиться о жертве; используя беспомощное положение жертвы. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1934 года вносит дополнение в статью Уголовного кодекса, касающуюся квалифицированных убийств устанавливающее наказание за убийство, совершаемое военнослужащим, если есть отягчающие обстоятельства [11, с. 25].

Уголовный кодекс 1960 года в статье 102 содержит перечень составов квалифицированных убийств. Этот свод документов действовал до 1996 года, и имел более ясно формулировал квалифицирующие признаки в умышленном убийстве, исключая расширительное толкование. Положения, содержащиеся в статье 102 УК РСФСР 1960 года с небольшими переработками относительно принятых составов и с добавлением новых, прослеживаются и во второй части статьи сто пять Уголовного кодекса России. Уголовный Кодекс 1960 года, не относит к квалификационным признакам убийства ни ревность, ни другие низменные побуждения, ни совершение убийства военнослужащим, либо тем, кто был обязан особенно заботиться о жертве. Именно этот в Кодекс называет квалифицирующий признак отягчающим обстоятельством. Это спорное наименование, при наличии такого же названия списка отягчающих обстоятельств, включенного в статью 39 в Общей части УК, привело к справедливым замечаниям теоретиков. Статья 102 содержала такие отягчающие обстоятельства:

- корыстные побуждения;
- хулиганские побуждения;
- совершение преступления во время выполнения жертвой служебного либо общественного долга;
- совершение преступления с особенной жестокостью;
- совершение преступления при помощи способа, опасного для жизни множества;
- преступление, имеющее цель сокрытия иного преступления либо облегчение совершения иного преступления, убийство, связанное с изнасилованием;
- убийство женщины, заведомо для преступника, находящейся в состоянии беременности;
- убийство двух либо более жертв;
- убийство субъектом, прежде совершавшим умышленные убийства, исключая убийство в состоянии аффекта и убийство, относящееся к превышению пределов необходимой обороны;

- убийство из кровной мести;
- убийство, содержащее особо опасный рецидив.

За указанные преступления законодатель установил и более строгую санкцию (8–15 лет лишения свободы, с присуждением ссылки либо без присуждения, и до назначения смертной казни). Хотя, практическое применение статьи сто второй, уже в девяностых годах XX века нуждалось в корректировке, направленной на реформирование закона. Ведь после перестройки, уголовное право в области практики встречает лавинообразный рост преступности, при этом криминал затрагивает не только общественные отношения собственности, что ожидаемо из-за проблем в экономике, но и происходит множество посягательств на право на жизнь. Многие виды преступлений не предусматривались в статье 102 УК РСФСР. Этот факт затруднял применение закона на практике [9, с. 127].

Закон России, принятый 18 февраля 1993 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон РСФСР «О милиции» исключал из санкции статьи 102 УК такое наказание как ссылка и высылка, назначавшиеся только как дополнительные наказания. Закон России «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» принятый 29 апреля 1993 года дополнял статью 102 УК следующими квалифицирующими характеристиками: убийство, совершаемое по мотиву национальной либо расовой враждебности либо розни; убийство, предполагающее предварительный сговор группой.

Закон России принятый 22 марта 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» изменил пункт «в» статьи 102 УК РСФСР, в котором закреплялась усиленная уголовная ответственность и за убийство человека выполнявшего служебный либо общественный долг, и за убийство близкой родни этого человека, других лиц, при убийстве которых преследовалась цель помешать законной деятельности данного человека. Признаки, используемые при квалификации, содержащиеся в части 2 статьи 105 УК РФ 1996 года признаются более емкими в основных определениях и теоретических формулировках, но некоторые из них весьма спорны [8, с. 109].

Современный Уголовный Кодекс России, выгодно отличается от правовых документов, регулировавших отрасль уголовного права в прошлом тем, что в этом своде документов впервые дается определение понятию «убийство». В рамках Уголовного Кодекса РФ: «убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку» (часть 1 статьи 105 УК РФ). Сразу бросается в глаза, что при совершении убийства возможно наличие только умышленной формы вины. Это не аксиома, ведь УК РСФСР в статье 106 предусматривал ответственность за неосторожное убийство, однако, современная трактовка является скорее наследием русского национального права дореволюционного периода (имеются ввиду революции 1917 года). А также, подобное определение, более соответствует представлениям, утвердившимся в современном социальном сознании. Конечно, это вовсе не значит, что за неосторожное причинение смерти

не предусмотрено ответственности, УК России посвящает данному деянию отдельную статью 109 [3, с. 72]. Определение, закрепленное в ч. 1 ст. 105 УК РФ, не раскрывает всех признаков данного преступления (к примеру, там не сказано о противоправности причинения смерти), но в нем есть определенность: к убийству относится лишь причинение смерти умышленно, тем самым из разряда убийств исключается неосторожное причинение смерти. Исходя из аналогичных положений, Конституция Российской Федерации провозглашает, что каждый имеет право на жизнь (ч. 1 ст. 20) [4].

Требуемую для квалификации убийства полную юридическую характеристику можно получить, лишь анализируя признаки состава убийства на основе общего учения о составе преступного деяния.

На три группы предлагает разделить убийства УК РФ:

- 1) простое убийство – ч.1 ст.105 УК РФ (неквалифицированное). Для признания убийства простым необходимо отсутствие равно как отягчающих, так и смягчающих обстоятельств. В качестве примера может быть приведено убийство, совершенное в ссоре, из ревности и других личных отношений и. т. д;
- 2) убийство с отягчающими обстоятельствами. Ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет 13 пунктов отягчающих обстоятельств. Убийство с отягчающими обстоятельствами имеет высокую степень общественной опасности деяния в сравнении с неквалифицированным убийством. К убийству с отягчающими обстоятельствами УК РФ в ч.2 ст.105 УК РФ, относит убийство двух и более лиц (по совокупности). Если было совершено одно убийство и покушение на убийство одновременно, то данное преступление не будет квалифицироваться как преступление с отягчающими обстоятельствами. Также определяющим критерием является умысел преступника. Если убийства совершены в разный период и с разным умыслом, они подлежат рассмотрению как неоднократное преступление;
- 3) убийство при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 106–108 УК РФ). В качестве примера можно привести убийство, совершенное в состоянии аффекта, регламентированное ст. 107 УК РФ.

Состояние аффекта – быстро возникающие из-за интенсивного внешнего раздражителя, чрезвычайно сильные, кратковременные бурно протекающие эмоциональные состояния. Состояние аффекта может длиться всего пару минут, однако за такой короткий промежуток времени можно причинить тяжкий вред здоровью либо лишить жизни другого человека. УК РФ в ст. 107 УК РФ выделяет два обязательных признака без которых убийство не может быть признано совершенным в состоянии аффекта. Это: наличие аффекта у виновного лица и аморальное поведение потерпевшего. Следует отметить, что при трактовке ст. 107 УК РФ часто допускаются судом, ошибки при квалификации деяния как при предъявлении обвинения, так и при вынесении приговора. Помимо этого, к убийству со смягчающим обстоятельством УК РФ относит убийство, совершенное с превышением пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, регламентированное ст. 108 УК РФ. При квалификации убийства по ст. 108 УК РФ важным является установление очевидного несоответствия мер защиты характеру

противоправного посягательства. Иными словами, преступное посягательство можно было бы избежать с помощью иных мер защиты. В виду несовершенства законодательного определения «убийство» в законодательстве Российской Федерации, представляется особо интересным рассмотреть понятие данного преступления в законодательстве иных стран.

Далее мы рассмотрим понятие «убийство» в законодательстве некоторых стран СНГ. Впервые нормативное определение понятия убийства было закреплено в Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ от 1996 года как умышленное лишение жизни другого человека [18]. Среди признаков убийства, закрепленных в Модельном УК 1996 года, можно выделить:

- 1) умысел;
- 2) направленность умысла на лишение жизни другого человека.

Из приведенных признаков следует, что под убийством следует понимать исключительно умышленные действия, поскольку при совершении убийства жизни лишается другой человек, из данного понятия исключаются самоубийства и доведение до самоубийства. Определение рассматриваемого вида преступления, регламентированное Модельным УК 1996 года, было взято многими странами СНГ в качестве основы для закрепления в своих уголовно-правовых актах. Примером может служить ч. 1 ст. 97 УК Киргизской Республики [18], который устанавливает, что убийство является умышленным лишением жизни другого человека [32]. Ч. 1 ст. 120 УК Азербайджана 1999 года также закрепляет определение аналогичное закрепленному в Модельном УК 1996 года. Между тем законодатель Азербайджана неосторожное причинение смерти другому человеку отождествляет с убийством, что противоречит смыслу самого понятия [20].

Что немаловажно, отдельные страны СНГ в определение понятия «убийство» включают также признак противоправности, о важности которого мы уже упоминали. Таким образом, лишение жизни в случае необходимой обороны или применение оружия при задержании лица означает возможность признания данных действий правомерными. В частности, ч. 1 ст. 104 УК Республики Армения 2003 года [18] (регламентирует понятие «убийство» как противоправное умышленное лишение жизни другого человека. Слово «противоправное» в определении рассматриваемой дефиниции также применяет законодатель Республики Казахстан [26] и Республики Беларусь [27]. Опыт таких стран СНГ как Армения, Казахстан и Беларусь в законодательном регламентировании понятия «убийство» является наиболее удачным и мог бы быть взят на заметку российским законодателем.

Несмотря на принятие Модельного Кодекса некоторые страны СНГ вовсе отказались от законодательного регламентирования понятия убийства. Примером может служить уголовное законодательство Республики Молдова. Так, ч. 1 ст. 145 УК Республики Молдова 2002 закрепляет лишь наказание за преступление убийство в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет [21]. Другим примером может служить УК Республики Узбекистан 1994 года [27] который также не содержит определения «убийство», однако все же закрепляет признак, говорящий об умышленной форме вины. Такой подход законодателей Республики Молдовы

и Узбекистан носит негативный характер и требует со стороны правоприменителя отнестись к рассмотрению данной проблемы более серьезно.

Отсутствие законодательного определения понятия «убийство» в уголовном законодательстве стран СНГ влечет за собой необратимые ошибки в правоприменении, а также риски осуждения невиновных лиц, что противоречит целям уголовного законодательства в принципе.

Рассматривая уголовное законодательство стран Балтии по исследуемому вопросу, можно отметить, что в нем отсутствует единообразие подхода к пониманию содержания дефиниции «убийство». Так ч. 1 ст. 129 УК Литовской Республики 2000 года лишь закрепила уголовную ответственность за убийство другого человека [35] без определения каких-либо признаков. Законодатель Эстонской республики в ст. 100 УК закреплена ответственность за умышленное убийство. Таким образом, законодатель Эстонии указывает на признак умышленности [36].

Наиболее развернутое определение содержит УК Латвийской Республики, где в ст. 116: «убийство – умышленное противоправное причинение смерти другому лицу» [24]. Как видно из определения в УК Латвии, рассматриваемое понятие наделено такими признаками как умышленность и противоправность.

Исходя из анализа трактовок понятия «убийство», принятого в разные периоды жизни уголовный закон каждой из рассмотренных стран СНГ вопреки принятому Модельному кодексу, по-своему трактует понятие «убийство», иногда совсем не закрепляя никаких признаков этого преступления, а лишь устанавливая ответственность за него. Ряд стран СНГ (Республика Беларусь, Республика Таджикистан) понимают под убийством как умышленное, так и неосторожное причинение смерти другому человеку.

Также в закрепленных Уголовными кодексами стран СНГ определениях, отсутствует признак противоправности. Позитивным примером законодательного регламентирования «убийства» могут служить уголовно-правовые нормы Латвийской Республики в отношении закрепления понятия «убийство», в котором содержатся все необходимые признаки, указывающие на особенности квалификации преступления «убийство». На протяжении многих лет менялось представление об убийстве и обстоятельства, при которых оно происходило.

Выводы по разделу 1

Необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «убийство» не подлежит сомнению, поскольку жизнь человека является высшей ценностью. Проблема лишения жизни одного человека другим отслеживается еще с древних времен. Провозглашение различными странами себя в качестве правовых государств ставит особые задачи перед ними в сохранении и соблюдении права каждого гражданина на жизнь.

Принцип правового государства основывается на том, что население нашей страны наделено личными правами, а одним из существенных прав, является право на жизнь. Объектом указанной категории преступлений выступает жизнь

человека, как важнейшая социальная ценность любого современного общества, и, в том числе современного общества Российской Федерации. Категория преступлений против жизни, в которую входит такое преступление как убийство, относится к наиболее тяжким преступлениям против личности. Подобная квалификация объясняется тем, что данные преступления посягают на человеческую жизнь – высшую ценность, естественное и неотчуждаемое благо. При изучении исторических аспектов видно, что такое преступление как убийство является наиболее древним преступлением. Уголовное законодательство древнего мира и средних веков всегда почти начинается именно с преступления в виде убийства.

К сожалению, именно эффективность и научная обоснованность деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия совершению преступлений против жизни вызывают некоторые сомнения.

Жизнь – это самое ценное благо, потерю которого невозможно возместить абсолютно никакими материальными компенсациями, а убийство является одним из самых пугающих преступлений, которое затрагивает интересы государства, семьи и общества.

Право на жизнь охраняется уголовным законодательством любого правового государства. Между тем, понятие «убийство» в законодательстве таких стран как: Республика Молдова, Республика Узбекистан закреплено очень лаконично и не охватывает всех особенностей состава данного вида преступления. Данная проблема вызывает жаркие споры среди теоретиков уголовного права.

Проведя анализ изученной литературы и нормативных правовых актов, в разрезе данной темы и главы выпускной квалификационной работы, установили, что важным периодом в развитии понятия «убийство» является его исследование, которое определило направление формирования изучаемого определения в уголовном законодательстве по данному аспекту в дальнейшем.

Анализ имеющихся источников литературы, материалов периодической печати по теме исследования, позволяет согласиться с тем, что ни в науке уголовного права не раскрывают всех признаков убийства.

Закрепление полного определения понятия «убийство» на законодательном уровне представляет особую важность как для теории уголовного права, так и для правоприменительной деятельности. В понятии «убийство» важно установление всех признаков объективной и субъективной стороны рассматриваемого преступления, так как для определения виновности лица требуется наличие всех обязательных признаков состава преступления и очевидна необходимость в корректировке определения понятия «убийства» и указания этих признаков

В рамках данной работы проведено исследование уголовного законодательства стран СНГ и Балтики в части закрепления дефиниции «убийство».

Предлагаем трактовку понятия «убийство» для закрепления в ч. 1 ст. 105 УК РФ: «Убийство – это общественно опасное деяние, носящее противоправный характер, выраженное в умышленном причинении смерти другому человеку и не направленное одновременно на какое-либо иное охраняемое уголовным законодательством общественное отношение». Кроме того, требуется внести

определенные изменения в перечень квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

2 ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

2.1 Объект убийства

Теория уголовного права указывает на то, что любой состав преступления имеет следующие элементы: объект преступления; объективную сторону, субъект преступления, субъективную сторону. Данные элементы также имеют специфические признаки, присутствующие в большинстве составов: деяние (действие, бездействие), общественно опасные последствия преступления, логическая связь между действием (бездействием) преступника и наступлением указанных последствий. Перечисленные признаки, конечно, относятся к объективной стороне состава правонарушения [33, с. 21].

Убийство является деянием (действием, бездействием), заключающемся в причинении смерти жертве, и причинение смерти должно быть умышленным. Как уже упоминалось, убийство может совершаться при помощи активного действия, либо пассивно, бездействием. Чаще, активное действие – насилие, нарушающее функционирование человеческого организма жертвы, либо повреждающее жизненно важные органы. Хотя насилие может быть как физическим, так и психическим воздействием. Физическое насилие предполагает повреждение жизненно важных органов, отравление, удушение. Психологическое насилие (воздействие) заключается в психическом травмировании жертвы, страдающей тяжелым заболеванием, что и приводит к смерти потерпевшего. Но убийца при этом должен знать о тяжелом состоянии здоровья жертвы и желать наступления смерти. Убийство при помощи бездействия возможно если есть объективные и субъективные предпосылки преступления: на убийцу, законодателем, профессиональными обязательствами, или имевшейся возможностью спасения жизни, специально возложены обязанности охраны жизни. Бездействие, как способ убийства редко и трудно доказуемо [29, с. 45].

Противоправность деяния так же весьма важна. Ведь именно эта характерная черта позволяет отделить убийство от правомерного лишения жизни человека, в рамках необходимой обороны, исполнения служебного приказа, смертной казни. Общественно опасным последствием в случае убийства законодатель считает причинение смерти жертве. Наступление гибели в качестве общественно опасных последствий преступного деяния – это обязательный признак объективной стороны преступления – убийства [41, с. 11].

Ещё одним признаком объективной стороны состава убийства – наличие причинной связи между преступным деянием субъекта и произошедшей гибелью жертвы. Уголовное право не предлагает особенного понятия причинно-следственной связи, поэтому на помощь теории уголовного права, касательно основ причинно-следственной связи приходит философия. Причинностью полагается объективная, то есть существующая вне зависимости от сознания человеческого существа, связь между явлениями, порождающими и порождаемыми.

Специфичность этого понятия в уголовном праве в том, что причиной может

быть лишь деяние, являющееся социально опасным, а следствием наступление общественно опасных последствий. Касаясь убийства, признание наличия причинно-следственной связи возможно только тогда, когда действие, либо бездействие субъекта преступления однозначно приводит к гибели жертвы, то есть становится причиной гибели. Время между деянием и наступлением последствий роли не играет. Даже если минул значительный отрезок времени между совершением деяния и смертью человека, преступление всё равно – убийство [43, с. 15].

Закон утверждает убийство как деяние, совершенное с умыслом, и этот факт характеризует субъективную сторону состава. Наличие умысла отделяет убийство от причинения смерти по неосторожности. В случае убийства, преступник понимает, что совершает посягательство на жизнь жертвы, осознает неизбежное или реально возможное наступление гибели жертвы, хочет, чтобы гибель наступила, либо осознано допускает наступление гибели (прямой и косвенный умысел). Определение формы умысла (прямой или косвенный) необходимо, чтобы индивидуализировать ответственность и (или) отграничить убийство от иных преступлений. Важно это и для правильной квалификации такого деяния, как покушение на убийство. Большинство авторов полагают покушение на убийство преступлением, которое можно совершить только при наличии прямого умысла. То есть виновный должен прямо направлять свою деятельность на то, чтобы совершить убийство, желая, чтобы опасные для общества последствия наступили – смерть жертвы произошла.

Предотвращение гибели пострадавшего должно произойти по причинам, не зависимым от преступника. Косвенный же умысел предполагает лишь, что субъект понимает социальную опасность преступного деяния, осознает вероятность либо неизбежность гибели жертвы, но не желает, а осознано допускает что гибель произойдет, или безразличен к этому факту. Поэтому сложно согласиться с Здравомысловым Б.В., который говорит, что «прямой умысел конечно обозначает, что преступник хочет гибели жертвы, но не обязательно преступник хочет непременно гибели».

Умысел может иметь альтернативу, когда преступник предполагает, и наступление смерти, и тяжкий вред здоровью жертвы, одинаково желая этих последствий. Когда преступные последствия не наступают по обстоятельствам, независящим от преступника, виновного должно привлечь за такое преступление, как покушение на убийство». Ошибка в том, что покуситься на убийство можно имея лишь прямой умысел, ведь само убийство возможно при умышленном причинении смерти жертве, а, в причинении тяжкого вреда здоровью направление умысла на тяжкий вред. Лишь часть 4 статьи 111 УК РФ указывает на последствие в виде смерти жертвы, но в этом случае гибель жертвы может быть и неосторожной формой вины. Решая проблему содержания умысла преступника, нужно принять во внимание всю совокупность обстоятельств правонарушения, учесть предыдущее поведение преступника и жертвы, их отношения и тому подобные факты [48, с. 25].

Обязательными при квалификации убийства могут стать и факультативные

признаки (мотив преступления, цель правонарушения и эмоции сопровождающие совершение общественно опасного деяния) субъективной стороны, но только тогда, когда это прямо предусмотрено в уголовном законе (например, часть 2 статьи 105 УК РФ).

Значит, опираясь на вышеприведенные факты, убийство определяется, в качестве умышленного противоправного лишения жизни жертвы, из-за причинения смерти. Право на человеческую жизнь, в этом случае – непосредственный объект правонарушения [52, с. 9].

Объективная сторона характеризует убийство, как деяние, которое может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия (бездействие возможно, только, если у субъекта есть обязанность отвечать за жизнь потерпевшего). Субъектом может выступать вменяемое физическое лицо (человек), достигшее 14 лет. Низкий возрастной предел наступления уголовной ответственности объясняется тяжестью противоправного деяния. Объектом преступления выступают общественные отношения, направленные на охрану жизни и здоровья человека.

Наукой уголовного права понятие объекта преступления рассматривается либо то, на что осуществляется посягательство субъектом преступления, или чему причинен в итоге вред. Если говорить о самом содержании объекта преступления, то оно с точки зрения доктрины, является самым сложным и спорным понятием, поскольку объясняется его многосторонностью, представляя собой некое социально-правовое явление. Многими исследователями объект преступления рассматривается с нескольких сторон: гносеологической, аксиологической (ценностной), социальной (материальной) и юридической (формальной) [78, с. 29]. Каждый из предложенных подходов в понимании объекта преступления взаимодополняет друг друга. Так если охарактеризовать философский подход, то он дает возможность выявить все качества, которыми наделен как феномен бытия.

Ценностный подход рассматривает объект преступления как социокультурное явление, в разрезе аксиологической парадигмы. Социологический подход объект преступления видит в качестве социального феномена, и воспринимает его не как статическое явление, а фактор развития уголовного права. Юридический подход объект преступления определяет через компоненты правовой реальности. Что касается содержания объекта преступления, то доктриной выделяется несколько точек зрения.

Часть ученых под объектом преступления понимают, как общественные отношения, которые подлежат охране уголовным законом [31, с. 50; 40, с. 19–58]. Такая позиция была ведущей среди ученых советской науки уголовного права, но не потеряла своей актуальности и сегодня, поскольку отечественными учеными это вопрос обсуждается на протяжении многих лет, и предлагаются до сих пор различные определения общественных отношений [33, с. 151; 29, с. 8–29; 38].

В последнее время в материалах периодической печати появляются мнения, которые подвергают ее сомнению. Но если обратиться к трудам дореволюционных ученых, таких как С.В. Позднышев, Н.Д. Сергеевский, то предложенная ими концепция как правового блага находит свое признание и

среди таких ученых современности как: А.Э. Жалинский, А.В. Наумов [60, с. 242; 50, с. 306].

Другой не менее известный ученый Н.С. Таганцев определяет объект преступления через охраняемый законом интерес к жизни [33, с. 40–41], и в этом есть некое переплетение с теорией правового блага. Раскрывая сущность данной теории более подробно, Н.С. Таганцев понимал под ним фактическое содержание правоохраняемого блага, то есть само право не является объектом преступления, для этого оно должно найти свое выражение в конкретном благе или интересе.

Аналогичное понимание объекта преступления предлагается А.В. Наумовым, так как нередко использует термины «благо» и «интерес» как синонимы. Такой вариант понятия объекта преступления встречается и в уголовном праве некоторых стран зарубежья. Поскольку феномен объекта преступления по своей природе многогранен, это способствовало появлению множества альтернативных и компромиссных теорий в которых такими учеными как Я.М. Брайнин, Ю.И. Ляпунов, В.Я. Таций, Е.А. Фролов и др. предприняты попытки объединить основные концепции объекта преступления [71, с. 15; 34, с. 75; 36, с. 198].

Смешанные теории, несомненно, внесли свой серьезный вклад в развитие общей теории объекта преступления, поскольку в них заложена диалектическая природа рассматриваемого явления. Существование множества позиций по теме данного исследования подводит к мысли о том, что каждая из них имеет право на существование и не может быть окончательной. Анализ действующего законодательства (уголовного, конституционного), правоприменительной практики, позволяет при некоторой доле размышлений примкнуть к сторонникам ценностного подхода [90, с. 98–77]. Данная концепция (объекта преступления Аксиологическая концепция объекта преступления требует познания сущности социальных ценностей, охраняемых уголовным законом. Для этого необходимо обращение к нормативным правовым источникам, закрепляющим эти ценности в виде правовых благ. Так, Конституция РФ провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [4], и возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). Из этой конституционной нормы вытекает, что человек, провозглашенный высшей ценностью, не является непосредственным объектом государственной защиты; защита человека осуществляется через призму защиты его прав и свобод (права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, на национальную принадлежность, на пользование родным языком, на благоприятную окружающую среду и т. д.).

Таким образом, защищаемыми государством высшими ценностями, согласно Конституции РФ, являются права и свободы человека и гражданина. Поскольку объектом преступления могут выступать не любые, а только охраняемые уголовным законом (государством) социальные ценности, то приведенное положение Конституции РФ ставит под сомнение состоятельность концепции объекта преступления, рассматривающей в качестве такового человека.

Пленум Верховного Суда РФ, характеризуя объект преступления, часто оперирует понятием «охраняемые уголовным законом социальные ценности». Так, в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление Пленума ВС РФ о практике назначения уголовного наказания) [30] судам предписано «при учете характера общественной опасности преступления иметь в виду направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред».

Анализ решений Конституционного Суда РФ показывает, что названный Суд также активно использует категорию «социальные ценности», в качестве которых указывает основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства [23, 24]. Применительно к жизни и здоровью Конституционный Суд РФ обозначил следующую позицию: «К числу признанных и защищаемых Конституцией Российской Федерации прав относят прежде всего право на жизнь как высшую социальную ценность, охраняемую законом, которое является основным, неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, и право на охрану здоровья как неотчуждаемое благо» [25]. Иными словами, жизнь определена как высшая социальная ценность, а здоровье – как неотчуждаемое благо. Однако чуть позже Конституционный Суд РФ несколько изменил формулировку, изложив ее следующим образом: «К числу признаваемых в Российской Федерации и защищаемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод относятся прежде всего право на жизнь как основа человеческого существования, источник всех других основных прав и свобод и высшая социальная ценность и право на охрану, которое также является высшим для человека благом, без которого могут утратить значение многие другие блага». Из приведенного разъяснения следует, что высшей ценностью провозглашается уже не сама жизнь, а право на жизнь. Кроме того, отмечается синонимичность понятий «социальная ценность» и «благо».

Изложенное позволило нам прийти к выводу, что аксиологическая концепция объекта преступления соответствует уголовному закону и Конституции РФ, закрепляющей обязанность государства охранять социальные ценности, а также сложившимся в правоприменительной практике тенденциям. Кроме того, современная теория вины в уголовном праве исходит из ее социальной сущности, определение которой возможно только через призму социальных ценностей, поскольку только они несут в себе этическую нагрузку [57, с. 111].

Наконец, юридический (формальный) подход к пониманию объекта преступления обуславливает необходимость остановиться на многозначности термина «объект преступления» в теории уголовного права, которым определяется и объект реально совершенного преступления, и объект в составе преступления. В отличие от преступления состав преступления - «это не явление объективной действительности, а явление законодательное, нормативное... он существует не в жизни, а в уголовном законе» [86, с. 72]. На этом принципе основано различие объекта совершенного преступления и объекта в составе

преступления. Однако применительно к составу преступления термин «объект преступления» имеет двойственное значение. Им обозначают, с одной стороны, один из четырех элементов состава преступления, существующий наряду с объективной стороной, субъективной стороной и субъектом; с другой стороны, конкретные правовые блага, на которые посягает преступление. Это легко увидеть на примере описания объекта разбоя, когда традиционно говорят: «объект разбоя сложный, наряду с отношениями собственности разбой посягает на дополнительный объект - здоровье человека» [36, с. 21]. В первом случае «объект преступления» упомянут как элемент состава, а во втором – как признак преступления, причем признак одноименного элемента состава.

Таким образом, использование в современном уголовном праве категории «объект преступления» осложнено многообразием концепций содержания объекта преступления как социально-правового явления, терминологической близостью с другими понятиями и внутренней полисемией данного термина, что требует аккуратного и максимально точного его применения с обращением в случае необходимости к краткому пояснению значения, придаваемого рассматриваемому термину.

Теория уголовного права на основе обобщения уголовного законодательства выработала определенную классификацию объекта преступления по его видам и установила критерии разграничения этих видов объекта.

В уголовно-правовой науке принято различать три вида объекта преступления – общий, родовой (специальный) и непосредственный. Общим объектом преступления, т.е. объектом, на который в конечном счете посягает каждое преступное деяние, является совокупность общественных отношений, охраняемых нормами уголовного законодательства. В качестве общего объекта преступления в ст. 2 УК РФ выступают: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Родовой объект преступления объединяет группу однородных и взаимосвязанных общественных отношений, охраняемых нормами уголовного права. Родовой объект имеет важное значение для систематизации видов преступлений, построения системы Особенной части уголовного законодательства. В качестве родового объекта выделяются важнейшие группы общественных отношений, однородных по своему характеру.

Родовой объект играет большую роль для определения степени и характера общественной опасности посягательства на данную группу общественных отношений, а также для отграничения этого посягательства от иных сходных преступлений, посягающих на другие общественные отношения. Родовой объект охраны, понимаемый как группа однородных по своей политической и экономической сущности общественных отношений, служит основой для систематизации норм Особенной части уголовного права, распределения всех составов преступлений по разделам. Исключительно важное значение для правильной социально-правовой оценки преступления и его юридической

квалификации имеет непосредственный объект преступления.

К непосредственному объекту преступления относится лишь то общественное отношение, которое всегда нарушается при совершении того или иного преступления. Непосредственный объект наиболее полно выражает сущность рассматриваемого преступления, его специфические признаки и потому принимается за основу при классификации отдельных преступлений внутри главы уголовного кодекса. Следует иметь в виду, что некоторые преступления посягают не на один, а одновременно на несколько непосредственных объектов, причиняют вред сразу двум или нескольким разнородным общественным отношениям. Такие преступления в теории уголовного права именуется соответственно двухобъектными, или многообъектными. В двухобъектных преступлениях различают основной и дополнительный объекты. Под основным понимается тот объект, который законодатель, создавая данную норму, в первую очередь стремился поставить под охрану уголовного закона. Дополнительным объектом являются те общественные отношения, которые защищаются уголовным законом лишь попутно, поскольку эти отношения ставятся в опасность причинения вреда при посягательстве на основной объект. Например, при разбое таким дополнительным непосредственным объектом выступает жизнь и здоровье потерпевшего (ст. 162 УК). В многообъектных преступлениях вред причиняется множеству разнообразных общественных отношений, которые и выступают в качестве непосредственных объектов преступного деяния.

Относительно преступления, предусмотренного ст.105 УК РФ, общим объектом преступления следует признавать человека в системе общественных отношений. Непосредственным объектом преступления следует считать обезличенную социальную связь между субъектами как первичный элемент общественных отношений определенного типа. Основным элементом и условием существования социальной связи является субъект – человек.

Такое понимание непосредственного объекта убийства позволит не признавать покушением на убийство воздействие на мертвого человека с целью его убийства, а также влияет на квалификацию при отклонении действия и ошибке в личности потерпевшего.

От того, как в диспозиции статьи Особенной части УК РФ указана сфера отношений, нормальному функционированию которых преступление причиняет вред, зависит соблюдение принципа законности при применении норм уголовного права. Это обусловлено тем, что объект преступления связан с категорией общественных отношений, поэтому для правильного применения уголовного закона небезразлично, насколько широко определяются пределы данных отношений. От того, каким образом обозначены границы объекта посягательства, в значительной мере зависит круг общественно опасных деяний, охватываемых объектом преступления как элементом его состава. Названный вопрос имеет практическое значение, поскольку связан с обеспечением принципа законности.

Общепризнанным в теории уголовного права является положение о признании объектом преступления общественных отношений, основным структурным элементом которых выступает субъект – человек. При этом возникает вопрос о

том, что следует признавать непосредственным объектом при посягательстве на жизнь.

В теории советского уголовного права отмечалось, что субъекты являются обязательной частью отношений и их субстратом, и поэтому противопоставлять общественные отношения и их субъектов нельзя [91, с. 50].

В постсоветский период объектом преступления было предложено считать человека [32, с. 45]. Обе позиции логически обоснованы, однако теория объекта преступления должна быть универсальной и иметь практическое значение.

Учитывая, что жизнь человека охраняется до его рождения и без человека нет общественных отношений, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не личность и общественные отношения, а человека в системе общественных отношений, так как уголовный закон охраняет не только личность, но и жизнь, здоровье новорожденных, еще не являющихся личностью, а также лиц, страдающих слабоумием, которые никогда ею не станут. Поэтому раздел VII «Преступления против личности» УК РФ следует переименовать в «Преступления против человека». Это позволит обосновать правомерность причинения смерти в состоянии необходимой обороны, поскольку посягающий выходит за пределы охраняемых общественных отношений, а также преступность причинения смерти и вреда здоровью по просьбе самого потерпевшего и умышленного причинения смерти осужденному к смертной казни родственниками потерпевшего от преступления, поскольку осужденный находится в системе отношений, охраняемых государством.

Таким образом, жизнь человека выступает необходимым условием существования общественных отношений и должна охраняться уголовным правом в первую очередь.

Признание человека в системе общественных отношений позволит привести положения УК РФ в соответствие с Конституцией РФ и упростить для правоприменителя применение норм, указанных в разделе «Преступления против личности» Особенной части УК РФ. Кроме этого, признание человека основным структурным элементом общественных отношений и условием их существования влияет на квалификацию при совершении преступлений против жизни. Общественные отношения складываются из конкретных единичных социальных связей, образующих в совокупности общественные отношения определенного типа, которые при воздействии на них виновным проявляются в фактических последствиях преступления – изменениях в субъекте отношений (потерпевшем), явлениях материального и нематериального мира. Учитывая, что бессубъектных социальных связей не существует, убийство человека разрушает социальную связь в ее конкретном проявлении [44, с. 21–27].

Таким образом, статья 105 УК РФ предусматривает видовой объект преступного деяния – общественные отношения, которыми обеспечиваются блага человека, родовой – отношения в обществе, которые обеспечивают человеческую жизнь в качестве метода существования человека, и непосредственный – человеческая жизнь. Установление объекта убийства имеет значение непосредственно для определения общественной опасности, а также правильной

квалификации данного преступного деяния. Как уже было указано в данной работе, что объектом преступных деяний против жизни выступает человеческая жизнь. Когда же устанавливается объект преступления по определенному делу, то говорится о потерпевшем, то есть об определенной человеческой личности. Выявить объект посягательства в убийстве важно для рассмотрения иных признаков данного противоправного деяния, которые нужны, чтобы оно было верно квалифицировано [38, с. 297–300]. И именно в том, что объект убийства – это жизнь человека, кроется ряд теоретических и практических проблем.

Так, причинение смерти потерпевшему имеет место при ряде других преступлений – при причинении тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), при совершении террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), при захвате заложника (ч. 4 ст. 206 УК РФ), при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). Однако в этих преступлениях жизнь человека является дополнительным объектом.

Основным же объектом выступают общественная безопасность, безопасность государства, основы конституционного строя или порядок управления. Также в перечисленных составах чаще всего имеется потерпевший с особым статусом (военнослужащий, судья). В связи с этим указание в легальном определении на лишение жизни «частного лица» могло бы значительно облегчить процесс квалификации данного преступления.

2.2 Объективная сторона убийства

Экономическая и социальная жизнь невозможна без повседневного соблюдения определенных социальных правил и стандартов, установленных в обществе и государстве на конкретном этапе его развития. В каждом совершенном преступлении принято различать объективную и субъективную стороны: первая характеризует и констатирует его внешнее проявление в объективной реальности, а вторая раскрывает сущность деяния с учетом умысла, настроения, эмоций, т. е. психической деятельности лица, совершившего преступление. Конечно же, выделение объективных и субъективных признаков преступления является весьма условным, так как представляет собой результат научного анализа, теоретической констатации конкретного общественно опасного деяния, в котором эти признаки, не отделимые друг от друга, являются единым целым. Однако такое выделение все же необходимо при изучении преступления для познания составляющих его элементов, их влияния на уголовную ответственность.

Будучи одним из элементов состава преступления, объективная сторона является обязательным признаком для привлечения к уголовной ответственности. Последняя невозможна при отсутствии признаков объективной стороны. Формулировка в Общей части основания уголовной ответственности как деяния, содержащего все признаки состава преступления, создает гарантии равенства граждан перед уголовным законом, неприкосновенности личности, соблюдения

принципа законности и тем самым позволяет говорить о последовательной реализации в уголовном законодательстве основополагающих конституционных принципов.

Практическое значение объективной стороны состава преступления обусловлено тем, что оно служит основанием для разграничения деяний между собой, а также преступных и иных противоправных деяний [16, с. 583–587].

На основе анализа теоретических источников, посвященных рассматриваемому в данном исследовании феномену, можно констатировать существенные различия в дефинициях понятия «объективная сторона преступления», формулируемых отечественными учеными. Различия между существующими определениями анализируемого понятия уголовно-правовой науки заключаются, в первую очередь, в степени конкретизации исследователями содержания объективной стороны преступного действия, а также в объеме проявления ее признаков.

Например, некоторые советские теоретики уголовного права сформулировали определение, в котором объективная сторона преступления толкуется как характеристика внешних признаков преступного деяния [55, с. 110].

Отдельные ученые сочетают характеристику объективной стороны преступного действия с ее предметным наполнением, что повышает уровень конкретики определений [61, с. 187]. Однако, такой подход представляется недостаточно универсальным. Понимание объективной стороны в качестве элемента состава преступления позволяет рассматривать преступное деяние более полно путем учета других существенных компонентов состава преступления. Универсальность определения понятия «объективная сторона преступления» может быть достигнута, по нашему мнению, путем отображения обусловленности признания ею ряда внешних сущностных характеристик преступного действия, ограниченных определенными факторами субъективной оценки.

С учетом вышесказанного под термином «объективная сторона преступления» предлагаем понимать систему признаков, предусмотренных уголовным законом, отражающих внешнюю сторону посягательства лица на общественные отношения; а также предмета его субъективной оценки. Такое определение позволяет наиболее полно отразить сущность анализируемого понятия, его содержание и системные связи между элементами состава преступления [49, с. 434–436]. Данный элемент состава раскрывается в совокупности обязательных и факультативных признаков. В числе обязательных признаков выделяются деяние, выраженное в форме активного действия или пассивного бездействия, общественно опасные последствия и причинно-следственная связь между ними. Другие признаки относятся к факультативным. В их числе: место, время, способ, обстановку, орудия совершения преступления [80, с. 42].

Объективная сторона убийства состоит из трех взаимосвязанных обязательных признаков – деяния (действия или бездействия), наступивших последствий в виде смерти потерпевшего и причинной связи между деянием и последствием. Деяние при убийстве может выражаться как в действии, так и в бездействии. В свою очередь действие может осуществляться:

– путем физического воздействия (нанесения ударов, ран, ожогов, удушения, отравления и т. д.);

– путем психического воздействия, например, умышленного сообщения сведений, повлекших сердечный приступ потерпевшего (при условии, что виновный заранее знал о состоянии здоровья потерпевшего и предполагал именно такую реакцию на сообщаемые им сведения).

При квалификации убийства важно установить направленность объективной стороны на лишение жизни человека. Действия, с помощью которых совершаются убийства, многообразны. Убийца может совершить убийство потерпевшего, применяя только мускульную силу собственного тела, например, совершение удушения руками, причинение ударов ногами и руками и т. п. Убийца также может употребить собственную мускульную силу применяя различные орудия для облегчения совершения убийства (нанесение ударов при помощи ножа, топора, камня, кастета, удушение петлей и т. п.).

Собственная мускульная сила преступника может быть небольшой, но она может направлять иную мощную силу, непосредственно причиняющая смерть потерпевшему (совершение выстрела из пистолета, совершение отравления ядом, поджога и т. п.). Совершение действий при убийстве также приобретает форму психической деятельности. Кроме того, это прямое психическое влияние на потерпевшего. Психическая травма приводит к смертельному исходу, как правило, у лиц, которые страдают заболеванием сердца или сосудистой системы. Сильный испуг вызывает у таких людей неожиданную остановку нездорово измененного сердца, а также смерть. К данному способу относится также подговор к самоубийству лица, не достигшего совершеннолетия или душевнобольного гражданина. Несмотря на то, что потерпевший сам наносит себе смерть в схожих ситуациях, но он делает указанное вследствие психического влияния на него со стороны виновного. При совершении определенных убийств, способ выступает как квалифицирующее обстоятельство.

Определение особой жестокости при совершении убийства или совершение убийства способом, который опасен для жизни множества людей, повлечет квалификацию согласно п.п. «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [28] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 1) указывает в пункте 20, что способ совершения преступления, а также иные обстоятельства, должны приниматься во внимание при назначении наказания.

Приведем пример из практики. В г. Миасс Челябинской области между ранее знакомыми П. и Ф., находившимися в состоянии опьянения, вызванного совместным употреблением спиртных напитков, произошла ссора по незначительным причинам бытового характера, в ходе которой у П. возник и сформировался преступный умысел на причинение смерти Ф. из личной неприязни к нему, то есть на убийство Ф.

П., реализуя возникший преступный умысел на убийство Ф из личной к нему неприязни осознавая общественную опасность своих действий, вооружилась приисканным в указанной квартире ножом хозяйственно-бытового назначения,

используя который в качестве орудия убийства, применяя значительную физическую силу, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде смерти и желая их наступления, с целью причинения Ф смерти умышленно нанесла два целенаправленных удара остриём клинка ножа в область расположения жизненно важных органов, богатых кровеносными сосудами – передне-боковую поверхность шеи слева, причинив своими умышленными и целенаправленными преступными действиями Ф. слепое колото-резаное ранение средней трети передне-боковой поверхности шеи слева с повреждением поверхностных мышц шеи слева, наружной и внутренней яремных вен слева и обеих долей щитовидной железы, относящееся к категории тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, от которого наступила смерть Ф. на месте преступления в короткий промежуток времени, а также поверхностную резаную рану верхней трети передне-боковой поверхности шеи слева, расценивающееся как повреждение, не причинившее вред здоровью [33].

Убийство в форме бездействия возможно только в том случае, если обеспечение сохранения жизни и здоровья вменялось в прямую обязанность виновного (например, умышленное оставление новорожденного ребенка в опасной ситуации его матерью).

Наступление уголовной ответственности за смерть, которая произошла вследствие бездействия, происходит тогда, когда виновный субъект должен был и мог сделать то, в невыполнении чего данного субъекта обвиняют, но преднамеренно указанного не сделало, пожелав или допуская при этом, что вследствие этого произойдет смерть человека.

Обязанность произвести определенные действия может следовать из закона, из должностных или служебных функций, непосредственно из договора, а также из предшествующей деятельности виновного субъекта. При исследовании объективной стороны совершенного убийства необходимо принимать во внимание, что действие или бездействие являются лишь внешним признаком указанного преступления. Данный факт объясняется тем, что общественная опасность данного преступления, в конечном счёте, заключена в причинённом вреде в виде смерти потерпевшего. Обязательный признак объективной стороны убийства – наступление биологической смерти потерпевшего. Не наступление смерти не может квалифицироваться как оконченное преступление. Состав убийства по конструкции является материальным, то есть для привлечения к ответственности обязательно наступление указанных в законе общественно-опасных последствий в виде смерти потерпевшего.

Примером из судебной практики, характеризующим совершение убийства одновременно с прямым и косвенным умыслом (в отношении лиц, смерть которых прямо не охватывалась умыслом виновного, но, несомненно, допускалась), может служить следующее дело. Щ., являясь знакомым П., которая проживала в жилом доме вместе со своими малолетними детьми, в один из дней договорился о встрече с П. Согласно договоренности, Щ. должен был позвонить в дверь П., а последняя должна была открыть дверь и впустить его. В назначенный день Щ. пришел к дому П., позвонил в дверь, но дома никого не было. П.

несколько раз звонил в дверь, а потом по мобильному телефону на номер П., по последняя ему не отвечала и дверь не открыла. В этой связи у Щ. возникла неприязнь к П., обусловленная тем, что П. не исполнила договоренность и не встретилась с Щ. Неприязнь трансформировалась в умысел на убийство П. общеопасным способом – путем поджога жилого дома, в котором проживала П. со своими детьми.

Реализуя возникший умысел, в один из дней, в ночное время, Щ. подошел к дому, где проживала П. со своими детьми, осознавая, что в результате его умышленных действий – поджога веранды, где располагался единственный эвакуационный путь через входную дверь вышеуказанной квартиры, наступят общественно-опасные последствия в виде смерти П. и ее малолетних детей, а также уничтожения и повреждения чужого имущества, Щ. взял имеющуюся у него при себе бумагу, которую поместил в щели и проем веранды квартиры и поджег её, имеющимися при себе открытыми источниками огня – спичками и зажигалкой.

Затем Щ., не предпринимая мер к извещению о начинающемся пожаре находившихся в квартире дома и соседних домах лиц, в том числе потерпевших, с места преступления скрылся. В результате умышленных преступных действий Щ., от острого отравления окисью углерода (угарным газом) наступила смерть П. и ее малолетних детей. В судебном заседании Щ. пояснял, что у него не было умысла на убийство малолетних детей П., не отрицая, что желал смерти самой П. Однако суд справедливо указал, что Щ. достоверно знал, что П. проживает с двумя малолетними детьми, никогда не оставляет их одних, без присмотра, и не передает другим лицам. В этой связи Щ. имел косвенный умысел на причинение смерти детям П., не желая этого, но сознательно допуская и относясь безразлично к последствиям в виде смерти детей.

По данному делу также возник вопрос о квалификации действий Щ. как убийства двух и более лиц с особой жестокостью. Так, в обвинительном заключении было указано, что характер действий Щ. и избранный им способ убийства, находившихся в доме лиц свидетельствует об его умысле на совершение убийства с особой жестокостью, поскольку в случае гибели в процессе пожара – сгорания заживо – потерпевшие неизбежно испытали бы от воздействия открытого пламени, высокотемпературных продуктов горения и угарного газа особые страдания и мучения, что явилось очевидным для Щ.

Однако суд справедливо указал, что смерть потерпевших наступила от отравления угарным газом, а не от сгорания заживо, поэтому данный квалифицирующий признак вменению не подлежит [31].

Третий обязательный признак объективной стороны убийства – причинная связь между деянием и наступившими последствиями. При разрешении вопроса о наличии или отсутствии в содеянном прямой причинной связи между деянием и наступившим общественно опасным последствием необходимо исходить из того, что она является объективной, существующей вне зависимости от нашего сознания связью, в силу которой действие (бездействие) неизбежно порождает и обуславливает возникновение последствия. Отсутствие прямой причинной связи

между совершенным противоправным деянием и наступившей смертью пострадавшего либо полностью исключает уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечет несколько иную квалификацию содеянного.

Между тем, анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев множественность ран, равно как и другие атрибуты убийства с отягчающими обстоятельствами, позволяющие квалифицировать деяние по п. «д» части 2 статьи 105 УК РФ, не всегда свидетельствуют о реальности признака особой жестокости.

Например, рассмотрим один из судебных приговоров, вынесенных в отношении П. и Х., совместно совершивших убийство потерпевшего Ф.

Согласно материалам дела, виновные и потерпевший находились в жилом помещении, распивая совместно спиртные напитки.

В один из моментов времени у Ф. возник словесный конфликт с Х. Однако, как позже пояснил сам Х., данный конфликт имел, в большей степени, шуточный характер, поскольку Х. не придавал ему значения и не выказал негативной реакции, не проявил агрессии по отношению к Ф. Однако находящийся там же П. затаил злобу на слова Ф., и, выждав некоторое время, взял со стола кухонный нож и нанес этим ножом удар в область живота Ф., от которого последний упал на пол и потерял сознание. После данного действия Х. также взял в руки нож и воткнул его в глаз Ф., провернул нож в глазнице и вырезал глазное яблоко потерпевшего, затем ножом сделал надрез брюшной полости Ф. После чего Х. и П. поочередно нанесли несколько ударов Ф. в область груди и живота, а П. перерезал горло потерпевшему.

Суд квалифицировал действия Х. как убийство с особой жестокостью, совершенное группой лиц; (п. «ж», «д»), действия П. – как убийство, совершенное группой лиц (п. «ж»). В обоснование приговора Х. суд указал, что Х., желая причинить особые боль и страдания, проявляя цинизм и жестокость, приисканным на месте ножом вырезал потерпевшему правый глаз, после чего вскрыл живот. Оба этих действия причиняют особые страдания и совершаются прижизненно, что квалифицируется как особая жестокость в действиях виновного. Тогда как П. подобных действий не совершал, поэтому данный признак ему вменен быть не может. Между тем, в приговоре суда приводилось заключение судебного медицинского эксперта, где было указано, что при экспертизе трупа Ф. обнаружено прижизненное одиночное проникающее колото-резанное ранение передней брюшной стенки с наличием фрагмента раны на коже передней брюшной стенки и сквозных повреждений листка брюшины с кровоизлиянием которое расцениваются как причинившие тяжкий вред здоровью, опасный для жизни.

Последствиями причинения данного повреждения могут являться: травматический шок, острая кровопотеря, кровопотеря (постепенная), все указанные последствия в случае неоказания помощи, приводят к смерти. Высказаться о наличии или отсутствия повреждений глазных яблок не представилось возможным при проведении экспертизы, ввиду поздних трупных изменений – мумификации. По поводу других повреждений экспертом были

высказаны лишь предположения о том, что они могли привести к смерти потерпевшего. В частности, разрез на горле потерпевшего был охарактеризован как повреждение, которое могло явиться причиной смерти. Всего на теле потерпевшего было обнаружено около 20 повреждений, но только одно из них категорически было определено экспертом как безусловно смертельное [32].

Анализ данного дела заставляет сомневаться в верности вмененного признака «с особой жестокостью». Исходя из обстоятельств совершенного убийства, после первого удара ножом в область живота потерпевший упал и потерял сознание, что неоднократно подтверждалось виновными. К тому же именно этот удар стал смертельным для потерпевшего. Все иные действия, которые совершались виновными, не причиняли потерпевшему дополнительных страданий или особых мучений, поскольку, согласно данным показаниям, потерпевший не оказывал какого-либо сопротивления и не проявлял реакции на причиняемые повреждения, в том числе – в момент вырезания глазного яблока.

Это означает, что потерпевший в момент причинения телесных повреждений находился без сознания и не мог реагировать на жестокие и мучительные действия виновных, то есть данные действия, внешне являющиеся мучительными и особо жестокими, не оказывали того эффекта, который законодательно заложен в рассматриваемый квалифицирующий признак.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что при квалификации действий виновных, совершающих убийство с признаками особой жестокости по способу причинения смерти, необходимо выяснять, в каком состоянии находился потерпевший, в какой мере он чувствовал причиняемые страдания, находился ли в сознании в процессе реализации виновным мучительных действий.

Как видится, данный вопрос является важным для формирования единой правоприменительной практики, исключения фактов объективного вменения.

При разрешении вопроса о наличии или отсутствии в содеянном прямой причинной связи между деянием и наступившим общественно опасным последствием необходимо исходить из того, что она является объективной, существующей вне зависимости от нашего сознания связью, в силу которой действие (бездействие) неизбежно порождает и обуславливает возникновение последствия. Устанавливая прямую причинную связь, в том числе и по делам об убийстве, необходимо иметь в виду следующее:

- настоящая связь устанавливается не только между определенными телодвижениями либо деятельностью виновного лица и наступлением биологической смерти потерпевшего, но и действием различного рода механизмов, стихийных факторов природы, животных и т. д., которые были использованы преступником для достижения своей цели;
- общественно опасное деяние субъекта преступления признается причиной смерти потерпевшего только в том случае, если оно, при этом, явилось не только необходимым, но и вполне достаточным условием ее наступления [59, с. 112];
- общественно опасное деяние виновного лица, выступающее в качестве необходимого условия наступления преступного результата, может считаться причиной смерти только в том случае, если этот результат с явной

необходимостью вытекал из этого деяния, а не явился при этом порождением случайного стечения обстоятельств, лишь внешне связанных с ним [77, с. 400].

В отличие от иных признаков объективной стороны простого убийства прямая причинная связь не всегда вполне очевидна. Нередко ее выявление на практике вызывает определенные затруднения, которые в основном объясняются тем, что не всегда берется в расчет конкретная обстановка, в которой было совершено исследуемое правоохранительными органами России анализируемое нами преступление. Между тем вопрос о наличии или отсутствии прямой связи в этом случае нельзя рассматривать вне конкретной обстановки, в которой и было совершено убийство.

По наиболее распространенному мнению содержание объективной стороны включает в себя такие признаки, как опасное деяние, преступное последствие, причинная связь между ним и деянием, способ, средства, орудия, место, время и обстановка совершения преступления. Поскольку преступные последствия – это своего рода изменения в объекте преступления, то в юридической литературе их иногда относят не к объективной стороне, а к объекту преступления [82, с. 72].

Способы, которыми было совершено убийство, учитываются как квалифицирующие признаки лишь в том случае, когда они прямо определены в законе. Так, на общеопасный способ убийства показывается в п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В иных ситуациях способы могут быть приняты во внимание при индивидуализации наказания. Существует мнение, что из объективной стороны преступления следует исключить обстановку, а также орудия и средства совершения преступления, поскольку понятие «обстановка» охватывается понятием места совершения преступления, понятия «орудия и средства» – понятием «способ» совершения преступления [36, с. 91].

Теории уголовного права известен и другой подход к характеристике содержания объективной стороны преступления, основанный на невозможности рассмотрения совершенного виновного деяния изолированно, вне конкретных условий места, времени и окружающей обстановки. Признавая, что место, время, способ и обстановка не могут ставиться в один ряд с деянием, поскольку являются его признаками, а не самостоятельными элементами объективной стороны, В.Н. Кудрявцев [61, с. 82] сделал вывод: объективная сторона преступления – явление динамическое и включает в себя в качестве этапов (элементов) только внешнюю сторону общественно опасного деяния (действие, бездействие) и производимые им изменения в окружающей действительности, включая и причинение ущерба объектам уголовно-правовой охраны.

Итак, объективными признаками убийства является объект преступления, которым является жизнь человека, а также объективная сторона, которая выражается в деянии, последствием которого является смерть потерпевшего.

Выводы по разделу 2

Уголовно-правовая наука не содержит единый подход к выявлению объекта преступления против жизни, к чему причисляется и убийство. По мнению

исследователей явный объект убийства - отношения общества по охране здоровья и жизни.

Общий объект убийства – это совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств.

Родовой объект убийства образуют общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни граждан.

Видовым объектом преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека.

Объективная сторона убийства, сконструирована как материальный состав преступления и характеризуется тремя основными признаками:

- деянием,
- последствием,
- причинной связью между деянием и последствием.

Кроме обязательных признаков объективной стороны состава убийства на его квалификацию могут влиять и факультативные признаки: способ, обстановка, обстоятельства времени.

3 СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

3.1 Субъект убийства

Субъект убийства общий – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности. Если рассматривать такой признак, как признание субъектом преступления исключительно физического лица, следует исходить из того, что: в качестве исполнителей преступления и, соответственно, подлежать уголовной ответственности, не могут животные, природные силы, какие бы разрушительные последствия не были бы причинены в результате и активности; уголовной ответственности не могут подлежать юридические лица.

Если рассматривать такой признак, как признание субъектом преступления исключительно физического лица, следует исходить из того, что:

- в качестве исполнителей преступления и, соответственно, подлежать уголовной ответственности, не могут животные, природные силы, какие бы разрушительные последствия не были бы причинены в результате и активности;
- уголовной ответственности не могут подлежать юридические лица.

Что касается возраста субъекта, то все его виды могут быть сведены к трем видам: пониженный, общий и повышенный. Анализ ст. 20 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что в данном случае законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности.

При этом, мы разделяем позицию тех исследователей, которые полагают целесообразным снизить возраст привлечения к уголовной ответственности за некоторые преступления, в том числе, и за убийство, до 12 лет [80, с. 107].

Что касается третьего признака субъекта преступления, законодатель по неизвестной причине не счел нужным включение в УК РФ понятие вменяемости, и многие исследователи полагают, что это обусловлено возможностью уяснения содержания данной правовой категории через понятие невменяемости, которое является прямо противоположным и имеет свое легальное определение [86, с. 69]. С одной стороны, правильность данной позиции не вызывает сомнений по той причине, что обе рассматриваемые дефиниции, по сути, разрешают один и тот же вопрос, фактически разъясняя факт возможности привлечения к уголовной ответственности исключительно тех лиц, которые способны нести уголовную ответственность по своему психическому развитию. Но все же, с нашей точки зрения, рассматривать вменяемость и невменяемость как зеркальные отражения одного явления было бы неверным. В силу сказанного, видится верной позиция том, что для понятия вменяемости характерно наличие уникальных, только ему присущих признаков, поскольку она – обязательное условие наступления уголовной ответственности. В связи с этим, определять понятие вменяемости через категорию невменяемости неверно и нецелесообразно, и требуется легально закрепить и понятие вменяемости.

Проблемы определения вменяемости привлекают не только исследователей в сфере юриспруденции, но и психологов, которые также отмечают насущную

необходимость легального закрепления понятия вменяемости, обосновывая этот тем фактом, что именно оно должно быть определяющим, а понятие невменяемости – производным от него.

Несмотря на то, что в практике расследования и рассмотрения уголовных дел принято под вменяемым лицом понимать такое, у которого отсутствуют психические отклонения и которое способно руководить своими действиями, осознавая их последствия, представляется, что понятие вменяемости нуждается в своем законодательном закреплении.

Следует обратить внимание на несколько фактов, связанных с возрастом субъекта преступления. Так, данного возраста (14-ти лет) лицо должно достичь к моменту совершения преступления. В силу ч. 2 ст. 9 УК РФ, время совершения преступления – это время совершения общественно опасного действия или бездействия, вне зависимости от того, когда наступили преступные последствия.

Поскольку последствия рассматриваемого деяния могут наступить позднее, чем было непосредственно совершено преступление (смерть может наступить спустя несколько минут, часов и даже дней с момента выполнения преступных действий), то возраст субъекта должен быть установлен на момент совершения преступления (например, на момент нанесения ударов). В частности, если, к примеру, лицо выполнило преступные действия, направленные на умышленное причинение смерти другому лицу до достижения возраста 14-ти лет (нанесло телесные повреждения, заживо закопало потерпевшего, подсыпало ему в пищу яд), а смерть потерпевшего наступила после того, как виновному исполнилось 14-ть лет, он уголовной ответственности подлежать не будет.

Достаточно спорной является ситуация, когда лицо, по всем своим признакам являющееся субъектом преступления, совершает преступление посредством лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу недостижения возраста либо невменяемости. Здесь видится возможным два варианта:

- лицо привлекает к совершению преступления несубъекта, зная о том, что последний не подлежит уголовной ответственности, и именно данное привлеченное лицо выполняет объективную сторону преступления. В таком случае, тот, который привлек к совершению преступления другое лицо, будет являться опосредованным исполнителем убийства;
- лицо привлекает к совершению преступления несубъекта, не зная о том, что последний не подлежит уголовной ответственности.

Представляется, что из буквального понимания ч. 2 ст. 33 УК РФ, можно сделать вывод о том, что формулировка «посредством использования других лиц» предполагает осознание лицом, что он привлекает к совершению преступления несубъекта. В силу чего, привлечение лица, не достигшего 14-ти лет либо невменяемого, когда привлекающее лицо о данных характеристиках лица не знает, оно не должно рассматриваться в качестве опосредованного исполнителя, поскольку совершает фактическую ошибку, считая, что выполняет лишь роль подстрекателя.

В силу этого, видится верной позиция тех исследователей, которые считают, что по направленности умысла в данном случае его действия должны

квалифицироваться как покушение на убийство, поскольку, хоть объективная сторона и выполнена в полном объеме, виновным допущена ошибка относительно «извинительных» признаков «исполнителя», который не может быть субъектом преступления.

Соответственно, признание преступления окончанным невозможно по причине отсутствия такого элемента состава преступления, как субъект-исполнитель [152, с. 230].

Могут иметь место и иные спорные ситуации, в связи с чем, видится возможным утверждать о наличии значительного пробела в законодательном определении исполнителя преступления. Так, это можно продемонстрировать на примере совершения убийства с использованием животных.

Так, например, можно представить себе ситуацию, что хозяин в ходе дрессировки собаки развил у нее инстинкт набрасываться на любого человека в состоянии опьянения, при этом, собака зачастую гуляет в отсутствие хозяина. И в один из дней в отсутствие хозяина, находящегося в другом месте, набрасывается на человека в состоянии алкогольного опьянения и причиняет ему телесные повреждения, повлекшие смерть.

В данном случае объективную сторону деяния фактически выполнила собака, а ее дрессировку следует признать подготовительными действиями, так как буквальное толкование понятия исполнителя не дает возможность признать таковым лица, причинившего смерть другому посредством использования силы животного и иной силы.

Представляется, что данный вопрос нуждается в законодательном урегулировании, для чего следует дополнить понятие исполнителя указанием на возможность совершения преступления посредством использования иных сил, это позволит четко осознавать правоприменителям возможность привлечения в таком случае лица, которое совершило данное деяние посредством использования иных сил, и приведет к единообразию судебной практики по рассматриваемому вопросу.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что для убийства характерен общий субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 14-ти лет. Предлагается снизить данный возраст до 12-ти лет. Также предлагается дополнить понятие исполнителя указанием на возможность совершения преступления посредством использования иных сил, это позволит четко осознавать правоприменителям возможность привлечения в таком случае лица, которое совершило данное деяние посредством использования иных сил, и приведет к единообразию судебной практики по рассматриваемому вопросу.

3.2 Субъективная сторона убийства

С субъективной стороны убийство совершается с умышленной формой вины. Умышленная форма вины характеризуется тем, что лицом признается общественная опасность деяний, которые совершаются, предвидится возможность последствий данных деяний и имеется желание их наступления,

либо такое желание отсутствует, но имеется безразличное отношение к тому, наступят эти последствия либо нет. В первом из указанных случаев – когда имеет место не только осознание последствий, но и желание их наступления, имеет место прямой умысел, при допущении же наступлений последствия и безразличном отношении к ним уже будет иметь место косвенный умысел. Прямой умысел имеет место не только в случае, когда причинение смерти – конечная цель, но и когда цель лежит за пределами состава убийства [39, с. 154].

Для прямого умысла характерно наличие трех основных моментов. Прежде всего, для рассматриваемой формы вины характерно осознание лицом общественной опасности деяния, совершаемого им. Кроме того, требуется также предвидение наступления общественно опасных последствий. И, наконец, важная составляющая прямого умысла – наличие у лица желания, чтобы такие последствия наступили [39, с. 155].

Таким образом, в прямом умысле надлежит выделять два компонента:

- интеллектуальный – это процессы, которые происходят в психике лица, совершающего преступления (осознание и предвидение);
- волевой – желание наступления последствий.

Таким образом, лицо должно осознавать общественную опасность своих действий, то есть, понимать, в чем состоит фактическая сторона его деяния, осознавать его социальную значимость (вредоносность). Под осознанием общественной опасности в самом общем виде принято понимать тот факт, что лицо осознает, что совершаемые им действия либо бездействия будут образовывать состав преступления. Но, в то же время, следует учитывать, что это не столь обязательно, поскольку факт незнания лицом о запрещенности того или иного деяния нормами уголовного законодательства не освобождает его от ответственности. Поэтому, самое главное, чтобы лицо осознавало, что деяние опасно. Если оно не будет осознавать данный факт, тогда и нельзя вести речь о наличии умысла и о привлечении лица к ответственности, как это, к примеру, имеет место в случае, когда лицо, совершившее деяние, запрещенное УК РФ, является невменяемым.

Еще один основной признак интеллектуального компонента – предвидение общественно опасных последствий. При отсутствии такого предвидения не будет и факта умышленности при совершении деяния. При этом, предвидение может распространяться на возможность либо неизбежность последствий.

Предвидение неизбежности означает то, что лицо четко убеждено в том результате, который последует в силу совершаемых им действий или бездействия, и для того, чтобы данный результат наступил, оно и совершает свои действия [141, с. 298].

Волевой компонент умысла проявляется в желании наступления общественно опасных последствий, стремлении к этому. Лицо имеет определенную цель при совершении деяния и предпринимает все действия для того, чтобы ее достичь.

Косвенный умысел как разновидность умысла также включает в свое содержание ряд основных моментов. Прежде всего, в рамках косвенного умысла у лица должно быть осознание общественной опасности совершаемого им деяния.

Данный компонент косвенного умысла совпадает с аналогичным компонентом прямого. Кроме того, в содержание умысла входит предвидение возможности причинения в результате его действий какого-либо вреда. При этом, у лица при совершении преступления не должно иметься прямого желания на то, чтобы наступили соответствующие последствия преступления, однако, оно допускает, что они вполне могут наступить [47, с. 129].

Таким образом, в косвенном уме́сле также прослеживается волевой компонент. Сущность его заключается в том, что виновный не желает, чтобы наступили общественно опасные последствия, но допускает их наступление либо не задумывается о том, что они могут наступить.

Таким образом, стремление здесь на причинение преступного вреда в результате действий у лица отсутствует, однако, имеется сознательное допущение таких последствий либо безразличное отношение к ним, что образует волевой элемент косвенного умысла.

Применительно к рассматриваемому деянию умысел всегда прямой, если мотив или цель убийства реализуются только в случае смерти потерпевшего. При косвенном уме́сле воля виновного не направлена непосредственно на причинение смерти, но своими действиями сознательно допускает ее наступление. Примером косвенного умысла может быть убийство посторонних лиц, когда для убийства конкретного лица используется взрывное устройство, иной общепасный или слабоуправляемый способ совершения деяния. При покушении на убийство умысел всегда прямой, когда четко прослеживается осознание виновным общественной опасности деяния, предвидение возможности или неизбежности наступления смерти и желание ее наступления, однако, по независящим от виновного обстоятельствам смерть не наступила [107].

Таким субъективным признакам, как мотив и цель, в составе убийства отводится обязательная роль, поскольку они имеют значение для квалификации убийства.

Прежде чем определить, что же представляет собой мотив в рамках уголовно-правовой науки, видится необходимым прежде всего определиться с общим пониманием содержания рассматриваемого термина. Применительно к мыслительной деятельности человека он рассматривается в качестве его побудительной причины к совершению тех или иных действий.

В силу своего содержания и значения, прежде всего, мотив человека надлежит рассматривать как понятие психологического характера, существующее в рамках данной науки. Однако, в то же время, обладая определенной спецификой, данный термин давно преодолел рамки одной науки и стал использоваться и в правовой, в рамках ее отдельных отраслей, которые в качестве предмета исследования имеют личность со всеми ее свойствами и характеристиками.

Таким образом, мотивы исследуются психологией, социологией, философией, юридической психологией, уголовным правом и другими различными науками.

В рамках данного исследования нас преимущественно интересует понимание мотива в уголовном праве, в частности – мотива уголовно – наказуемого деяния. Уголовное законодательство определения мотива не приводит, хотя неоднократно

оперирует данным термином, поэтому, следует обратиться к предлагаемым определениям в научной литературе. Изучив определенное количество научных источников, мы можем видеть, что в науке имеется огромное количество научных определений мотива, мнений по поводу его природы, в связи с чем, представляется необходимым выделить наиболее точно выражающие содержание данного понятия.

Итак, мотив преступления предлагается рассматривать как:

- обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, вызывающие у лица решимость совершить преступление [41, с. 22];
- побуждения, которые не только вызывают решимость совершения преступления, но и проявляются в нем непосредственно [127, с. 98];
- обусловленные определенными потребностями внутреннего побуждения к достижению конкретного результата, вызывающего решимость совершить преступление [54, с. 115].

Таким образом, несмотря на кажущиеся на первый взгляд, различные определения мотива, их анализ позволяет сделать вывод о том, что в понимании природы мотива исследователи расходятся, но незначительно.

Так, некоторые ученые (А.А. Толкаченко, К.Е. Игошев, А.П. Музюкин, А.И. Рарог) рассматривают мотив как обусловленное определенными потребностями и интересами осознанное побуждение, в то время как другие (Я.М. Брайнин, В.А. Лобанов, В.Д. Гольдинер) считают, что мотивом является чувство, переживание, неосознанное влечение и стремление.

В.О. Соловьев, проведя анализ различных позиций, приходит к выводу о том, что оба вышеуказанных подхода, в принципе, не могут быть отвергнуты и могут рассматриваться как имеющие важное значение для понимания существа мотива, однако, при этом, с его точки зрения первый из обозначенных наиболее полно позволяет выявить специфику анализируемого понятия.

Недостатком же второго подхода данному исследователю видится акцент исключительно на эмоциональной деятельности человека, что, соответственно, не позволяет провести всесторонний анализ данной дефиниции, поскольку ее содержание является более полным [132, с. 97]. С нашей точки зрения, вполне достаточно довольствоваться психологическим понятием мотива.

Анализ уголовных дел об убийствах свидетельствует о том, что нередко в них не отражаются данные о мотиве преступления.

Так, например, рассмотрим следующий пример. Е. и ее сожитель принесли четырехлетнюю дочь на территорию строительного участка и положили спать в бетономешалку. Когда ребенок уснул, Е. нанесла ей множественные удары палкой по голове, в то время как ее сожитель душил девочку. Тело дочери Е. бросила в котлован с жидким навозом. Сожитель Е. после совершенного убийства пытался покончить жизнь самоубийством, признан страдающим слабоумием, в то время как Е. по факту совершенного преступления никаких переживаний не испытывала, признана вменяемой, осуждена к 15 годам лишения свободы. Следственными органами Е. был вменен признак «с особой жестокостью», но суд счел, что он не нашел своего подтверждения [133, с. 14].

Очевидно, что из анализа данного уголовного дела возникает вопрос, каким образом может быть доказан либо опровергнут признак, тесно связанный с мотивацией и мотивом преступления. В ходе расследования уголовного дела и в ходе судебного заседания так и осталось невыясненным, что послужило причиной, двигателем для матери на совершение такого жестокого преступления в отношении своего ребенка, в то время как установление причин конкретных преступлений является очень важным для профилактики преступлений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что следственные органы и суды зачастую не уделяют достаточного внимания установлению мотива совершения преступления, в том случае, когда он не влияет на квалификацию содеянного.

Такой подход видится не допустимым, поскольку, если даже не акцентировать внимание на том, что установление мотива важно для профилактики преступлений, следует учитывать, что он может иметь значение и для решения вопроса о том, имеются ли в данном случае смягчающие или отягчающие обстоятельства. Что касается цели совершения преступления, видится необходимым отметить, что в правоприменительной практике существует достаточно много проблем при разграничении ее с мотивом преступления.

Понятие мотива и цели отождествляются многими учеными [81, с. 174]. Такая позиция об отождествлении цели и мотива преступления не является абсолютно обоснованной по той причине, что мотив и цель между собой тесно взаимосвязаны. Они выступают психическими феноменами, тесно связанными между собой и вместе с виной образуют субъективную сторону преступления. Аналогичное понимание данного вопроса можно встретить и в судебной практике. Так, Верховный Суд Российской Федерации по данному поводу разъясняет, что умышленное причинение смерти другому человеку квалифицируется по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ только тогда, когда цель сокрытия другого преступления либо облегчения его совершения является основным мотивом убийства [107].

Таким образом, из данного разъяснения Пленума ВС РФ следует два важных момента:

- во-первых, что цель убийства является определяющей только тогда, когда она является основной. Если же она сопутствующая, не основная, то она на квалификацию преступления не влияет;
- во-вторых, Верховным Судом РФ в данном случае цель и мотив отождествляются.

Также Верховным Судом РФ отождествляются и корыстные побуждения с корыстной целью [108]. Из данного определения можно сделать вывод о том, что корысть может выражаться в двух направлениях:

- стремление получить какие-либо материальные выгоды в результате совершения преступления (увеличить свое состояние);
- избавление от материальных затрат в результате совершения преступления (избавление себя от каких-либо имущественных обязательств).

Таким образом, как мы видим на основе анализа разъяснений, данных

Верховным Судом РФ, судебная практика идет по пути отождествления мотива преступления, его цели преступления и направленности умысла.

Однако, в теории уголовного права такая позиция большинством авторов не разделяется, поскольку такое отождествление некорректно.

Проанализируем имеющиеся подходы к рассматриваемому вопросу – «цель всегда опосредована мотивом, а мотив – целью» [81, с. 174]. Преступная цель, то есть, цель преступного деяния – это тот желаемый, представляемый виновным результат, которого он стремится достичь своими действиями либо бездействиями. Но фактическим результатом преступления она признана быть не может в силу того, что вполне возможны существенные различия в цели планируемой и цели достигнутой. Несовпадение цели и результата преступления возможно в случае невыполнения цели или ее перевыполнения, в любом случае, имеет место непредвиденный результат преступной деятельности.

Установление совпадения либо несовпадения цели и действительного результата зачастую позволяет установить истинный механизм соотношения цели и преступного результата в преступлениях, совершаемых по неосторожности и с косвенным умыслом. Цель преступления, в принципе, как и его мотив, также характеризует субъективные мотивы, протекающие в сознании лица в связи с совершением им преступного деяния. Таким образом, посредством цели демонстрируется мера общественной опасности деяния и личности преступника, а это, в свою очередь, учитывается при назначении наказания, определения его размера и вида. Характеризуя цель как признак субъективной стороны преступления, следует отметить, что она обладает одним специфическим свойством – временностью. Данный признак проявляется в том, что любая цель всегда существует лишь определенный период – с момента ее постановки лицом и до момента ее достижения. Соответственно, с достижением цели прекращается и существование цели.

На основе рассмотренного выше, видится возможным сделать следующие выводы по поводу различий цели и мотива:

- мотив отвечает на вопрос, по какой причине совершен поступок, почему в определенной обстановке человек действует определенным образом;
- цель отвечает на вопрос о том, зачем человек совершает тот или иной поступок, какой результат он желает достичь.

Зачастую цель совершения преступления определяется мотивом лица, в таком случае, она характеризует направление соответствующего мотива, именно это отражает различия в проявлении волевого процесса, исключая таким образом совпадение и тождественность рассматриваемых признаков субъективной стороны преступления. Возникновение цели самой по себе невозможно, она реализуется лишь вследствие существующего у лица мотива, в то время как воплощение мотива происходит благодаря конкретной цели. Абсолютно верной по вопросу соотношения мотива и цели преступления представляется позиция В.А. Якушина. «Цель обеспечивает мотив, является его интеллектуальным инструментарием» [151, с. 10].

Итак, цель преступного деяния – это тот желаемый, представляемый

виновным результат, которого он стремится достичь своими действиями либо бездействиями. Но фактическим результатом преступления она признана быть не может в силу того, что вполне возможны существенные различия в цели планируемой и цели достигнутой.

Характеризуя цель как признак субъективной стороны преступления, следует отметить, что она обладает одним специфическим свойством – временностью. Данный признак проявляется в том, что любая цель всегда существует лишь определенный период – с момента ее постановки лицом и до момента ее достижения. Соответственно, с достижением цели прекращается и существование цели.

На основе рассмотренного выше, видится возможным сделать следующие выводы по поводу различий цели и мотива:

- мотив отвечает на вопрос, по какой причине совершен поступок, почему в определенной обстановке человек действует определенным образом;
- цель отвечает на вопрос о том, зачем человек совершает поступок, какой результат он желает достичь.

О необходимости установления цели и мотива по каждому делу об убийстве говорит и высшая судебная инстанция [107]. Также как простое убийство квалифицируются убийство, совершенное в драке либо в ссоре, в гневе и ярости, когда отсутствует состояние аффекта. Имеются в судебной практике и примеры квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ таких деяний как убийство в целях укрепления своего преступного авторитета в глазах окружающих (убийство в криминальных разборках) [85, с. 103].

Достаточно распространено убийство в ходе ссоры либо драки. Ссора – это состояние взаимной вражды, перебранка, серьезная размолвка с взаимными упреками либо бранью. Драка – это нанесение взаимных побоев из – за ссоры, скандала, физическая схватка между двумя и более лицами, вступившими в нее по взаимному побуждению, добровольно и без определенных условий. Мотив убийства, совершаемого в драке или ссоре – это внутреннее побуждение, порождаемое чувством личной неприязни к потерпевшему для удовлетворения какого-либо личного интереса.

Примером убийства в ходе ссоры может быть следующий. А., находясь вечером во дворе дома, высказал оскорбления в адрес Л., в результате чего между ними произошла ссора. В ходе данной ссоры у последнего, в силу внезапно возникших личных неприязненных отношений к А., возник умысел на причинение ему смерти. Во исполнение своего преступного умысла, Л. взял со скамейки во дворе дома нож, с помощью которого нанес один удар в область груди справа А., причинив ему телесное повреждение, которое повлекло смерть. Действия Л. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ [120].

Достаточно распространены убийства, совершаемые из ревности. Для возникновения бытовой ревности и последующего убийства необходима измена, которая может быть как действительная, так и предполагаемая. Приведем пример такого убийства.

Нередко убийство совершается из зависти, ненависти, неприязни, мести.

Мечь представляет собой возмездие за причиненное зло, обиды, страдания, оскорбления или иной вред. Неприязнь – это недружелюбность, недоброжелательность. Ненависть – сильное чувство вражды, злобы, высокий накал неприязни. Зависть – это чувство досады, обусловленное благополучием и успехами другого человека [130, с. 222].

Рассмотрим несколько примеров убийства из зависти. Так, К., работая няней в богатой семье, через некоторое время ощутила сильное чувство зависти к благополучию данной семьи, к наличию у них детей, отсутствием у нее личной жизни и невозможностью иметь детей. Находясь с ребенком, няней которого она являлась, в медицинском стационаре К. из зависти пыталась убить ребенка, душа подушкой, но ее действия были пресечены медицинской сестрой [121].

А., распивая спиртные напитки с Р., испытал к последнему чувство зависти, когда тот рассказал о заграничных поездках на отдых, в которых он бывал и в которые планировал поехать в ближайшее время. Испытав зависть к финансовому благополучию Р., не имея материальных средств для поездки на отдых, А. умышленно нанес Р. один удар ножом в живот, от которого последний скончался [115].

П., распивая спиртные напитки с М., будучи в состоянии опьянения нанес М. четыре удара топором по голове и телу, однако не смог довести умысел на убийство до конца, поскольку его действия были пресечены братом М. Установлено, что мотивом покушения на убийство явилась зависть к М., финансовые возможности которого позволили последнему сделать дорогостоящий ремонт в доме и приобрести дорогостоящий автомобиль [114].

Помимо убийств, совершаемых по данным мотивам, к числу «простых», «неквалифицированных», выступают и так называемые «безмотивные» убийства, в которых мотив не установлен и установить его нельзя [75, с. 617].

Теперь проанализируем мотивы, которые выступают в качестве квалифицирующих признаков убийств.

В п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель в качестве квалифицирующего признака предусмотрел такой мотив убийства как кровная мечь.

Кровная мечь – это мечь, возникающая на почве личных отношений, обычай отдельных народностей, территорий, в силу которого родственники убитого или иные лица, считающие себя обиженными, полагают, что они имеют право либо даже обязанность лишения жизни обидчика, а зачастую и иных членов рода обидчика.

Квалификация убийства по данному мотиву производится по следующим правилам:

- имеет место именно кровная, а не иная мечь;
- кровная мечь возникла на основе обычая;
- нанесена именно такая обида, за которую обычай кровной мести требует кровопролития;
- кровная мечь – определяющий мотив;
- виновны - выходец из группы населения, придерживающейся обычая кровной

мести;

– территория убийства значения не имеет [46, с. 54].

Имеется иная позиция, согласно которой для квалификации убийства по данному признаку достаточно лишь восприятие лицом кровной мести как обязанности.

Т.А. Плаксина предлагает исключить данный квалифицирующий признак, считая кровную месть пережитком прошлого [100, с. 190], но мы с таким подходом не согласны, считая данный мотив обстоятельством, повышающим ответственность, а данный признак препятствует сохранению данного обычая.

Достаточно сложным является определение такого мотива, как корыстный. В п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство из корыстных побуждений или по найму. Здесь сложным является вопрос о том, рассматривать ли мотив убийства по найму как корыстный.

По данному поводу Пленум ВС РФ разъясняет, что как убийства из корыстных побуждений должны квалифицироваться убийства, совершенные в целях получения материальной выгоды как для виновного, так и для других лиц или избавления от материальных затрат.

При квалификации по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо иметь в виду, что имеются определенные различия в толковании термина «корыстные побуждения» применительно к каждому из видов убийств. Важным является то, что такие различия могут существенно повлиять на правильность квалификации и содержания действий конкретного преступления. В связи с этим, целесообразно отдельно рассматривать каждое из обстоятельств, упомянутых в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и уже после этого, по мере необходимости, осуществлять разграничения между сложными понятиями. Данный подход подтверждается мнением Верховного Суда РФ, который указывает, что квалификация каждого из названных в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ видов убийств должна даваться самостоятельно [107].

По мнению некоторых исследователей, понятие корыстных побуждений закон связывает не только с преступлениями против собственности и для точной квалификации мотива рассматриваемого убийства необходимо раскрыть содержание таких побуждений. Вопрос о форме умысла в таком случае решается в зависимости от того, будет ли подпадать данное убийство только под признаки корыстного или наряду с этим преступлением были совершены и другие. В ситуациях, когда корыстное убийство является единственным преступлением, субъект, преследуя цель завладения имуществом, иными ценностями или правами материального характера, всегда имеет прямой умысел. В таком случае убийство будет являться средством для достижения корыстной цели, ведь виновное лицо осознает, что если он не лишит жизни потерпевшего, то не сможет прийти к желаемому результату [88, с. 113].

Понятие убийства по найму в уголовном законодательстве отсутствует. Для того, чтобы выработать верное определение данного вида убийства, необходимо проанализировать его основные признаки.

Полагаем, что расположение данного состава в одной норме с убийством по

найму свидетельствует о четкой позиции законодателя о том, что корысть является необходимым признаком наемного убийства.

Высшая судебная инстанция разъясняет, что убийством по найму должно признаваться убийство, обусловленное получением исполнителем такого убийства материального или иного вознаграждения» [107]. Однако, все же, ответ на вопрос о том, является ли убийство, совершаемое по найму, корыстным преступлением, не видится нам однозначным.

С точки зрения некоторых исследователей, убийство по найму может быть совершено без корыстного мотива.

Так, С.Х. Нафиев полагает, что «убийства с помощью привлеченного лица ... могут совершаться и без ориентации на получение материального вознаграждения, а руководствуясь только своеобразным пониманием «служебного долга» или мотивами солидарности» [95, с. 107]. Однако, продолжая свою мысль, данный автор отмечает, что: «за указанными внешними проявлениями все равно скрывается корыстный интерес: сохранить место службы, добыть выгоду для организации, где работает убийца и т. п.» [95, с. 108]. Как мы видим, законодатель не приравнивает убийство по найму к убийству из корыстных побуждений, иначе бы не было необходимости указывать оба данных, квалифицированных вида убийств, достаточно было установить ответственность лишь за убийство из корыстных побуждений, подразумевая включение в него наемного убийства. Мы полагаем, что такое разграничение обусловлено тем фактом, что корыстный мотив всегда характерен для исполнителя в том или ином виде, например, он может стремиться к выгоде не для себя, а других лиц, небезразличных ему. При этом у организатора либо подстрекателя корыстный мотив наличествует не всегда.

Указанное преступление может совершаться как путем действия, так и бездействия. Объективной стороной убийства по найму является лишение жизни другого человека исполнителем, т. е. наемным убийцей, по указанию заказчика.

Мы полагаем, что основным при квалификации убийства как совершенного по найму является не тот факт, что исполнитель стремится получить вознаграждение, а факт найма исполнителя нанимателем, образующий объективную сторону. С нашей точки зрения, совершение убийства по найму с корыстной целью должно квалифицироваться по обоим признакам: из корыстных побуждений, по найму, хотя судебная практика нередко идет по другому пути.

А.В. Тишкин полагает, что дискуссия о том, является ли убийство по найму разновидностью убийства из корыстных побуждений, не будет закончена до той поры, пока не будет конкретных разъяснений Пленума ВС РФ по этому поводу. Также им предлагается выделить убийство по найму в отдельный пункт ч. 2 ст. 105 УК РФ [135, с. 555]. Мы данную точку зрения разделяем частично, полагая, что действительно назрела необходимость в соответствующих разъяснениях, однако оснований для выделения убийства по найму в отдельный пункт ч. 2 ст. 105 УК РФ мы не видим, поскольку и в настоящий момент оно является отдельным квалифицированным видом убийства. Кроме того, нам представляется целесообразным конкретизировать понятие убийства,

совершенного по найму.

З.А. Арабянц предлагает определить убийство по найму как «умышленное убийство, совершенное по договору с его организатором или лицом, лично не заинтересованным в смерти конкретного человека, за вознаграждение или по иным мотивам при участии (или без него) посредника в корыстных или иных интересах организатора убийства» [34, с. 8].

Однако, нам представляется, что убийство по найму исполнителем по иным мотивам, кроме как вознаграждение, совершаться не может, иначе теряется смысл самого слова «найм». Поэтому наиболее верным нам видится определение убийства по найму как убийства, совершаемого специально нанятым для этого преступления лицом, незаинтересованным в смерти конкретного человека, действующим из корыстных или иных побуждений, за вознаграждение в интересах организатора. Полагаем, что в таком виде определение убийства по найму целесообразно закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ. При этом видится необходимым дать и разъяснение о том, что, даже в случае, если у нанятого лица имеются какие-либо личные мотивы убийства «заказанного» лица, преобладающим является именно заказной характер преступления, факт найма.

Так, в качестве примера можно привести убийство бизнесмена Н., где заказчиком выступала ее супруга, исполнителем преступления – ее брат П., а пособником – сестра А. Поскольку в первую очередь подозрение могло пасть именно на жену Н., у нее было безупречное алиби, в то время как ее сестра А. привезла брата жены Н. П. к месту совершения преступления, где П. произвел смертельный выстрел в Н. [122]. Здесь супруга Н. имела корыстный мотив, в то время как непосредственный исполнитель помогал ей в совершении данного преступления за долю от имущества Н., то есть, также действовал с корыстным мотивом.

Анализ буквального текста п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и его толкования в литературе, и судебной практике дает возможность прийти к заключению о том, что понятие «материальное или иное вознаграждение», обусловившее убийство по найму, является слишком широким и неопределённым. Под «иным вознаграждением» можно понимать всякое «поощрение» убийцы – от морального ободрения преступления до любых других видов выражения благодарности со стороны заказчика. Вряд ли во всех таких случаях есть основания рассматривать убийство как имеющее повышенную степень общественной опасности (по сравнению с простым убийством). На наш взгляд, в качестве убийства по найму, подлежащего квалификации по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ должно рассматриваться только такое деяние, которое обусловлено получением его субъектом (или желанием получения в будущем) за совершение преступления материального вознаграждения. Соответствующее определение убийства по найму целесообразно дать непосредственно в тексте ст. 105 УК РФ (примечании к ней) либо в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Убийство, сопряженное с разбоем, может быть только в случае наличия всех признаков разбоя, насилие, выступающее способом совершения разбоя, в данном случае направлено и на причинение смерти.

В качестве единого преступления нельзя рассматривать убийство, сопряженное с разбоем. Разбой признается независимым преступлением, которое относится к категории особо тяжких. У него есть свой объект и предмет, свои квалифицирующие признаки, а также свои последствия. Таким образом, разбой не может быть поглощен убийством, также как и убийство не может быть поглощено разбоем. Квалифицирующими признаками разбоя нельзя пренебрегать [93, с. 69].

П. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ установлена ответственность за преступление, совершенное из хулиганских побуждений.

Говоря о убийстве, совершенном из хулиганских побуждений, сразу же оговоримся о том, что проблема квалификации такого деяния заключается в том, что необходимо в каждом случае отграничивать преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, совершенное из мести (обычное, простое убийство) от убийства из хулиганских побуждений, ответственность за которое предусмотрено п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Иначе говоря, действия потерпевшего для того, чтобы содеянное могло расцениваться как убийство, совершенное из хулиганских побуждений, действия потерпевшего от данного преступления должны являться малозначительными, поскольку, в обратном случае, они могут рассматриваться в качестве основания для мести. Если же такие действия малозначительны, то они – повод, предлог для совершения убийства из хулиганских побуждений. Это находит отражение в судебной практике Верховного Суда РФ. Пленум приводит примеры мотиваций, которые могут расцениваться как хулиганство. Например, совершение убийства без видимого повода или с использованием незначительного повода.

П.С. Яни отмечает, что такие убийства совершаются в обстановке публичности – в общественном месте либо в присутствии значительного количества людей, соответственно, данное деяние может совершаться и вне общественного места, например, в квартире, но при соблюдении признака публичности – присутствия посторонних [153, с. 13].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в хулиганские побуждения включаются внешние и внутренние признаки. Первые – это способ, место, иные обстоятельства совершения преступления, вторые – субъективное отношение виновного к поводу преступления. Когда исчерпаны все возможности доказать мотив, повод, который мог бы рассматриваться в качестве побуждения даже самый малозначительный, отсутствует, тогда и следует полагать, что убийца имел хулиганский мотив.

Мы согласны с мнением П.С. Яни о необходимости внесения в постановление Пленума ВС РФ № 1 разъяснения о том, что убийство из хулиганских побуждений может иметь место и вне общественного места, при отсутствии значимой причины причинения смерти потерпевшему, и наличии главного мотива – осознанного причинения вреда обществу в целом [153, с. 13].

П. «л» устанавливает ответственность за убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Здесь определяющим является не просто ненависть либо вражда, а

именно ненависть, вражда к конкретным группам людей в силу их принадлежности к какой-либо группе, расе, наличия иных, чем у виновного, политических или идеологических воззрений. Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики.

Б. совершил убийство А., нанеся ему удары руками и предметами, в силу ненависти к негражданам России, поскольку внешность А. свидетельствовала о его принадлежности к азиатской национальности [113].

Убийство по политическим мотивам – это убийство, мотивированное борьбой за распределение или сохранение политической власти, принятие политически значимых решений или сокрытие политически важных сведений [131, с. 43].

Совершенные преступления, по перечисленным в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ экстремистским мотивам, необходимо отделять от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений или из хулиганских побуждений; однако необходимо принимать во внимание временной промежуток личностных взаимоотношений между лицом, совершившим преступление, и пострадавшим, а также наличие и причины между ними конфликтных взаимоотношений.

Важно определить реальную принадлежность потерпевшего конкретной социальной группе и установить осознание виновным этого факта. Если ненависть или вражда возникают по причине противоправной или антисоциальной деятельности какой-либо группы или ее членов, это не образует мотив, предусмотренный п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Цели совершения убийства, также, как и мотивы, могут быть абсолютно различны. В то же время, по аналогии с мотивом убийства, законодатель предусмотрел ряд целей умышленного лишения жизни в качестве квалифицирующих признаков. Так, п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает такую цель совершения убийства, как сокрытие другого преступления либо облегчение его совершения. В качестве примера, совершенного с рассматриваемой целью, можно привести следующее. 19 апреля 2017 года, примерно в 14 часов С., Ч., Д. и З. пришли в квартиру, где находился П.

На почве мести за причинение потерпевшим в сентябре 2016 года Ч. огнестрельного ранения данные лица нанесли П. телесные повреждения, повлекшие причинение легкого вреда здоровью, а С. выстрелил П в правую ногу из предоставленного Д. ружья. Опасаясь, что П. сообщит о совершенных в отношении его преступлениях, С. предложил Ч. убить П., на что Ч. согласился, принес нож и передал его С. В продолжение совместного умысла, желая скрыть ранее совершенные в отношении П. преступления, сначала С. нанес ему два удара в область груди, а затем Ч. тем же ножом нанес П. два удара в область шеи. Совместными действиями С. и Ч. причинили П. различные телесные повреждения, повлекшие смерть [118]. Цель сокрытия преступления при убийстве может распространяться на любой вид преступления, вне зависимости от того, к какой категории оно относится. Полагаем, что это и выступило одной из причин установления законодателем повышенной уголовной ответственности за данный вид преступления, поскольку в некоторых случаях путем совершения убийства скрываются гораздо менее тяжкие преступления.

Таким образом, такая цель совершения убийства, как сокрытие другого

преступления либо облегчить его совершение является основанием признания такого убийства квалифицированным.

Проблема в данном случае заключается в том, что цель в таком случае подлежит обязательному доказыванию, если же доказать ее не удастся, содеянное квалифицируется как простое убийство. Проблемным вопросам на наш взгляд в данном случае является сокрытие мнимого преступления. С юридической точки зрения скрываемое деяние может не содержать признаки состава преступления в силу малозначительности. Лицо, считавшее, что убийством скрывает преступление, когда деяние в действительности таковым не являлось (например, мелкое хищение или непреступная контрабанда), должно нести ответственность за покушение на убийство с целью сокрытия другого преступления. Хотя общественно опасное последствие и наступило, однако в действительной реальности оно не сопровождалась тем квалифицированным обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности [79, с. 24].

Все авторы, работы которых были изучены, придерживаются точки зрения, что анализируемый вид убийства совершается только с прямым умыслом. Так, по мнению И.С. Арсанукаева, «специальная цель убийства – скрыть или облегчить совершение иного правонарушения – предполагает, что оно может быть совершено только с прямым умыслом» [35, с. 127]. Н.Г. Кадников предполагает: «Целенаправленные, мотивированные действия виновного характеризуют прямой умысел на причинение смерти» [64, с. 40]. Основу таких утверждений мы находим в работе Д.А. Гарбатовича: «Если законодателем в качестве основного признака состава преступления или в качестве квалифицирующего признака в диспозиции уголовно-правовой нормы указан специальный мотив, то такое преступление может быть совершено только с прямым умыслом независимо от того, как состав соответствующего преступления сконструирован в диспозиции уголовно-правовой нормы, является ли он формальным или материальным» [51, с. 42]. На наш взгляд данные убийства могут совершаться только с прямым умыслом.

Убийство с целью облегчения совершения преступления предусматривает умышленное лишение жизни человека, способного согласно суждению убийцы, воспрепятствовать ему осуществить иное преступление, к примеру, убийство сторожа для свободного проникновения на товарный склад.

При сокрытии иного преступления убийство не находится в необходимой причинной связи с ним. Убийство как средство совершения другого преступления, наоборот, считается его необходимым условием. П. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает повышенную уголовную ответственность за убийство, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего. По поводу данной цели в научной литературе существует достаточно много различных мнений, которые касаются также и соотношения цели с мотивами совершения данного преступления. Так, к примеру, А. Андреева полагает, что рассматриваемое убийство совершается «по корыстному мотиву или по мотиву спасения близкого человека, нуждающегося в замене соответствующего органа

или тканей» [31, с. 41]. В определенной степени с такой точкой зрения можно согласиться, однако, полагаем, что мотивов такого преступления может быть гораздо больше, например, органы и ткани могут изыматься в целях употребления их в пищу.

С позиции Ю.М. Антоняна, «криминальный каннибализм чаще всего связан с сексуальными преступлениями, т. е. совершается на сексуальной почве и в связи с сексуальными переживаниями» [33, с. 185].

В качестве примера он приводит в пример Чикатило, который за весь период своей деятельности убил 53 человек, при этом, он расчленял трупы, вырезал куски тела, как правило половые органы, и поедал их. Также и Спесивцев убил более 19 человек. После совершения убийства расчленял трупы, варил куски тела, съедал их и заставлял есть тех потерпевших, которые еще оставались в живых [65, с. 142].

Представляется, что мотив убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего может быть корыстным, желанием помочь больному путем пересадки ему органов или тканей другого человека, которого лишают жизни, карьеристским (желание угодить начальству), сексуальным и т. д. [78, с. 13].

В научной литературе имеется мнение о том, что рассматриваемый вид убийства может осуществляться в целях использования органов или тканей потерпевшего только для трансплантации [94, с. 108]. Мы этим не согласны. Рассмотрим, как еще кроме трансплантации могут использоваться органы или ткани человека применительно к убийству, предусмотренному п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По мнению А.Г. Мустафазаде, криминальный каннибализм, ритуальные убийства квалифицируются по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Т.В. Кондрашова полагает, что поскольку в самой норме ч. 2 ст. 105 УК РФ не указывается, как в дальнейшем будут использованы органы и ткани, «использование может быть любым, например: трансплантация другому человеку, нуждающемуся в замене соответствующих органов и тканей; продажа для любых целей; удовлетворение извращенных сексуальных потребностей; поедание частей трупа; изготовление религиозных фетишей, амулетов, средств для лечения различных заболеваний, сувениров; убийства совершенные на почве суеверия и религиозного фанатизма с целью принесения человеческих жертв» [76, с. 128].

Соглашаясь с мнением ученого, полагаем, что использование органов и тканей жертвы убийства, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, возможно также для промышленных нужд, при так называемых медицинских убийствах, целью которых является получение медикаментов, в состав которых входят части человеческого тела. Поскольку в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ способ использования органов или тканей потерпевшего специально не оговаривается, следует полагать что предусмотренный им состав квалифицированного убийства будет иметь место при любом из названных вариантов предполагаемого использования органов или тканей.

В литературе высказана позиция о том, что как правило, убийство в целях

использования органов тканей потерпевшего совершается специальным субъектом. Зачастую это врач-хирург, работающий в травматологическом отделении больницы, куда доставляются пациенты после автомобильных аварий и других катастроф. Как правило, нередко пациенты доставляются в бессознательном состоянии в больницу, и таким образом они не в силах защитить свои права. Между тем, такой подход может считаться обоснованным только в части цели последующего медицинского использования органов или тканей. И даже в этом случае субъектом преступления может выступать лицо, не имеющее отношения к медицине.

Спорным вопросом является направленность умысла при совершении убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего. А.В. Бриллиантов предполагает, что данное убийство совершается лишь с прямым умыслом [45, с. 59]. Другая категория ученых утверждают, что субъективная сторона данного преступления характеризуется как с прямым, так и с косвенным умыслом. К примеру, непосредственно косвенный умысел имеет место в случае, когда врач в период операции изымает у пациента без его согласия какой-либо жизненно важный орган (почку), при этом он не желает наступления смерти больного, возможность которой он предвидит, но относится к ней безразлично либо сознательно ее допускает. Также нельзя оставить без внимания высказывание мнение о том, что «Утверждение о возможности только прямого умысла можно было бы принять при условии, что целью действий является причинение смерти, но в данном случае речь идет о цели как результате, лежащем вне объективной стороны состава самого убийства, а потому и не способной однозначно определять субъективное отношение к последствию – наступлению смерти» [60, с. 48].

На наш взгляд, преступление, предусмотренное п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершается с прямым умыслом, однако нельзя исключать возможность совершения данного убийства с косвенным умыслом, когда виновное лицо, преследуя цель получения органов или тканей потерпевшего, относится безразлично к наступлению его смерти.

Подводя итог, сделаем следующие выводы.

Субъективная сторона убийства всегда характеризуется умышленной формой вины, при этом, умысел может быть прямым или косвенным. Мотив и цель как признаки субъективной стороны имеют важное значение. При конструировании ст. 105 УК РФ законодатель предусмотрел ряд квалифицирующих признаков убийств в зависимости от мотивов их совершения. Таковыми являются:

- мотив кровной мести;
- корыстные побуждения;
- хулиганские побуждения;
- мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Определенные проблемы возникают при квалификации убийства,

совершаемого по найму и отграничении его от убийства из корыстных побуждений. Поэтому видится необходимым определение убийства по найму как убийства, совершаемого специально нанятым для этого преступления лицом, незаинтересованным в смерти конкретного человека, действующим из корыстных или иных побуждений, за вознаграждение в интересах организатора. Полагаем, что в таком виде определение убийства по найму целесообразно закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ. При этом видится необходимым дать и разъяснение о том, что, даже в случае, если у нанятого лица имеются какие-либо личные мотивы убийства «заказанного» лица, преобладающим является именно заказной характер преступления, факт найма.

Мотив совершения преступления должен быть установлен в любом случае, даже когда он является факультативным признаком объективной стороны преступления, поскольку это позволяет лучше понять побуждения виновного, оказать на него профилактическое воздействие, выработать меры предупреждения преступления в целом. Однако, когда мотив преступления выступает обязательным признаком субъективной стороны преступления, он должен быть установлен и доказан в обязательном порядке, поскольку именно от него зависит квалификация содеянного, как это видно на примере проанализированных нами мотивов убийства.

Цели совершения убийства, также, как и мотивы, могут быть абсолютно различны. В то же время, по аналогии с мотивом убийства, законодатель предусмотрел ряд целей умышленного лишения жизни в качестве квалифицирующих признаков.

Целями убийства, при наличии которых действия лица законодатель признает их более опасными, являются:

- цель сокрытия другого преступления либо облегчения его совершения;
- цель использования органов или тканей потерпевшего.

Кроме того, по нашему мнению, убийству может быть присуща и корыстная цель, которая следует из корыстных побуждений, как правило, именно в совершении корыстных преступлений цель и мотив совпадают.

Выводы по разделу 3

Субъективные признаки убийства – это субъект и субъективная сторона, то есть, совершившее данное деяние лицо и его внутреннее отношение к содеянному деянию.

Для того, чтобы лицо выступило субъектом по рассматриваемому преступлению, оно должно обладать тремя обязательными признаками: быть физическим лицом, достигнуть возраста уголовной ответственности (в рассматриваемом деянии – 14 лет) и быть вменяемым. Поскольку общественная опасность убийства наиболее высока, законодатель предусмотрел минимальный возраст наступления уголовной ответственности в данном случае, который предусмотрен российским законодательством. Однако, представляется, что следует обратить внимание на опыт других государств, где ответственность за ряд

преступлений наступает уже с 12 лет, так как нет сомнений, что даже в этом возрасте человек способен осознавать опасность своих действий. И в нашей стране видится необходимым пойти по тому же пути – снизить минимальный возраст уголовной ответственности до 12 лет и предусмотреть, что именно с этого возраста возможно наступление уголовной ответственности по некоторым составам преступлений, в частности, в случае совершения убийства – обычного и квалифицированного.

Такое деяние, как убийство, может быть совершено опосредованно, и в таком случае возникают проблемы в правоприменительной практике. Представляется, что следует дополнить понятие исполнителя указанием на возможность совершения преступления посредством использования иных сил, это позволит четко осознавать правоприменителям возможность привлечения в таком случае лица, которое совершило данное деяние посредством использования иных сил, и приведет к единообразию судебной практики по рассматриваемому вопросу.

Субъективная сторона убийства всегда характеризуется умышленной формой вины – лицо осознает общественную опасность своих действий и последствий. При этом, умысел может быть прямым или косвенным. В первом случае последствия преступления в виде смерти являются желаемыми, а во втором лицо их напрямую не желает, но допускает или относится безразлично, не задумываясь о результате.

Особым значением обладают мотив и цель совершения убийства, поскольку некоторые из них, прямо выделенные законодателем, оказывают влияние на квалификацию, уголовная ответственность за содеянное в таком случае повышается и имеет место квалифицированный вид убийства.

4 ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ И САМОУБИЙСТВА. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

При квалификации убийств имеет место значительное число различных проблем, которые необходимо проанализировать.

Так, один из сложных, проблемных вопросов квалификации убийств – когда оно не доведено до конца. Здесь остро стоит вопрос, всегда ли будет иметь место покушение на убийство или все же возможен добровольный отказ в стадии оконченного покушения на преступление. До сих единого ответа на данный вопрос у исследователей нет.

Часть исследователей склоняются к тому, что вполне может иметь место добровольный отказ, когда покушение окончено. Сторонники данной позиции приводят такой пример. Виновный задумал совершить убийство и тяжелым предметом нанес удар по голове потерпевшему. Видит, что потерпевший жив, ему ничего не мешает довести убийство до конца, но он раскаивается в совершенном, отказывается от совершения убийства, оказывает первую помощь потерпевшему, отвозит его в медицинское учреждение и т. д. В данных действиях авторы, отстаивающие возможность добровольного отказа в стадии оконченного покушения на убийство, усматривают именно действия, свидетельствующие о добровольном отказе [87, с. 91]. Основной аргумент здесь – не было препятствий окончить преступление, убить потерпевшего, но виновный именно самостоятельно, без всяких внешних воздействий, отказался от доведения своего умысла до конца.

Нами данный подход не разделяется, объясним, почему. Виновный, когда наносит удар тяжелым предметом, нацелен именно на причинение смерти. Он не может быть уверенным, что она не наступит. Фактически здесь недостижение преступного результата, на которое направлен умысел виновного, происходит по независящим обстоятельствам от виновного. Соответственно, в данном случае можно вести речь только о добровольном отказе от повторного посягательства – повторного нанесения удара, поскольку первый цели не достиг. Соответственно, видится более верным мнение о том, что, когда покушение окончено, необходимые для преступного результата действия выполнены, но результат по какой-то причине не наступил, добровольного отказа от совершения преступления нет.

Данная позиция подтверждается и судебной практикой. Так, Верховным Судом рассмотрен протест прокурора на приговор суда в отношении Н., которая осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Прокурор считал необходимым переqualифицировать действия Н. на ч. 1 ст. 111 УК РФ, поскольку, хоть у Н. и имелся изначально умысел на убийство мужа, но нанеся ему удар по голове, она отказалась от нанесения повторного удара. Верховный суд, отклонив протест прокурора, разъяснил, что покушение было Н. завершено, соответственно, утверждение о том, что она должна отвечать за фактически содеянное – причинение тяжкого вреда здоровью, неправильно [109]. Это обосновывается тем фактом, что Н., нанеся удар, желала причинения смерти и не знала, что желаемый

ей результат не наступит. В связи с этим представляется верным, ситуации, когда виновным совершаются действия, которые могут причинить потерпевшему смерть при умысле виновного на ее причинение, но желаемый результат не наступает, например, в силу крепкого физического состояния потерпевшего либо по иным причинам, квалифицировать как покушение на убийство.

В качестве примера покушения на простое убийство можно привести следующий.

Л., в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений и чувства ревности, умышленно, с целью убийства А., нанес ей один удар ножом в шею, причинив телесное повреждение, повлекшее тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Однако, довести умысел на убийство А. до конца Л. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку его действия были пресечены Н., оттолкнувшим Л. от А., после чего Л. с места происшествия скрылся, а потерпевшей А. была своевременно оказана медицинская помощь [119].

Данный пример показывает, что преступление виновный не смог довести преступление до конца, поскольку ему воспрепятствовали посторонние лица.

Причиной того, что умысел на убийство виновному не удалось довести до конца, может являться и активное сопротивление потерпевшему. Примером такого преступления может являться следующий. В ночное время между Г. и М., находящимися в состоянии опьянения возле кафе «Олимп» произошла ссора, в ходе которой Г. с целью причинения смерти М., нанес последнему не менее одного удара головой в область лица, а затем неустановленным колюще-режущим предметом два удара в грудь, причинив телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Но довести свои преступные действия Г. до конца не сумел в силу того, что М. оказал ему активное сопротивление и выбежал на открытый участок местности, где находились посторонние лица, после чего Г. с места происшествия скрылся, а М. была оказана своевременная медицинская помощь [112].

Аналогично как покушение на убийство квалифицируются действия лица, когда он выполняет действия, направленные на причинение смерти и, полагая, что выполненных им действий достаточно для того, чтобы в результате них наступила смерть, скрывается с места преступления. В качестве примера такого преступления можно привести следующий. 04 июня 2013 года во второй половине дня Ш. и Л. пришли в гости к С. и стали распивать спиртное. Позднее к ним присоединился сосед С. – Д. В ходе распития спиртного, Ш. приревновал С. к Л., вследствие чего у него возник умысел на убийство С. Во исполнение своего преступного умысла Ш. имеющимся при нем ножом нанес С. не менее пяти ударов ножом в шею, живот и грудь, причинив С. телесные повреждения, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, после чего, полагая, что причинил С. телесные повреждения, Ш. с места преступления скрылся. Однако С. была своевременно оказана медицинская помощь [116].

Зачастую лицо, обвиняемое в совершении преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 105 УК РФ либо ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, ссылается на то, что у него не имелось умысла на убийство, мотивируя свои действия тем, что он просто хотел нанести телесные повреждения или оборонялся. И здесь суду на основании всех имеющихся обстоятельств совершенного преступления и собранных доказательств необходимо установить, на что в действительности был направлен умысел виновного. В качестве примера оспаривания лицом умысла на убийство можно привести следующий. З., в ходе ссоры, действуя умышленно, с целью причинения смерти Д., нанес последнему ножом не менее двух, удары в область расположения жизненно важных органов, причинив Д. телесные повреждения в виде двух проникающих в левую плевральную полость колото-резаных ран, которые причинили тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Свой преступный умысел З. не довел до конца по не зависящим от него обстоятельствам, так как Д. выпрыгнул с балкона и ему была оказана квалифицированная медицинская помощь. З. отрицал свою вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, пояснив, что убивать потерпевшего не хотел, телесные повреждения причинил ему обороняясь. Суд пришел к выводу, что нет сомнений, что удары ножом наносились потерпевшему с целью его убийства, смерть которого не наступила только из-за своевременного оказания медицинской помощи. Таким образом, суд счел доказанным, что умысел З. во время причинения потерпевшему ножевых ранений, был направлен на лишение жизни последнего, то есть совершение убийства. З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ [118].

В то же время, к каждой конкретной ситуации следует подходить отдельно, выясняя, на что именно был направлен умысел виновного и чем этот умысел подтверждается. В ряде случаев удастся выявить и исправить ошибки в квалификации действий виновного. В качестве примера можно привести кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 января 2017 года по делу № 22-66/2017 по кассационной жалобе адвоката Я. в интересах осужденного П. и осужденного П., на приговор Няганьского городского суда от «14» ноября 2016 года, которым П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судом установлено следующее. В кассационной жалобе адвокат Як. в интересах осужденного П. просит приговор изменить, действия Панкова переквалифицировать с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ, поскольку умысла убивать потерпевшую у П. не было. Осужденный П. также просит переквалифицировать его действия на ч. 1 ст. 111 УК РФ, так как умысла убивать потерпевшую Б. не было, если бы хотел убить потерпевшую, то хватило и меньшее время. При этом в приговоре отсутствует логика в том, чтобы хотел убить человека, и при этом сам открыл дверь полиции, и данное обстоятельство суд расценил, как желание уйти от ответственности.

Суд, исследовав обстоятельства совершенного преступления, пришел к выводу, что П., имея реальную возможность довести умысел на убийство до

конца, не воспользовался этим, что свидетельствует о направленности умысла на причинение телесных повреждений потерпевшей, а не на покушения на убийство, как установлено судом. Судебной коллегией действия П. переqualифицированы с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ [111].

Убийство необходимо отличать от причинения смерти по неосторожности. При этом главной трудностью является отграничение простого убийства с косвенным умыслом от причинения смерти по неосторожности. Их сходство в том, что лицо в обоих случаях предвидит возможность наступления смерти потерпевшего в результате своих действий и не желает наступления такого результата, не стремится к нему [146, с. 361]. Различие в том, что при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление смерти, относясь к этому безразлично и не предпринимает никаких действий по предотвращению результата. При неосторожности в форме легкомыслия виновный к смерти потерпевшего не относится безразлично, он рассчитывает, что удастся избежать смертельного исхода, но в силу не проявления должной предусмотрительности лицо недостаточно учитывает свои возможности или возможности других лиц, и смертельный результат все же наступает.

Проблема разграничения косвенного умысла и легкомыслия достаточно остра, и находится в центре внимания исследователей. В научной литературе, при решении вопроса о разграничении рассматриваемых форм вины преимущественно используется в качестве критерия категория абстрактной и конкретной возможности. То есть, утверждается, что при косвенном умысле виновный предвидит конкретную возможность вредного последствия, которое наступит в результате совершенного преступления, а при легкомыслии – абстрактную возможность такого вреда [56, с. 122].

Таким образом, видится возможным умозаключить, что законодатель рассматривает легкомыслие как самонадеянный расчет, не имеющий при этом под собой никаких действительных оснований, на то, что возможные негативные последствия его действий могут быть им предотвращены в случае их наступления. Фактически, в данном случае у лица имеет место субъективная уверенность в том, что предполагаемые абстрактные последствия не наступят [83, с. 60].

В то же время, на основании указанных признаков невозможно четко определить границы легкомыслия.

Здесь следует обратить внимание, прежде всего, на проблемы предвидения абстрактной возможности, поскольку они, фактически, могут иметь место в абсолютно любой ситуации. К примеру, производя выстрелы в забор, можно абстрактно предвидеть, что выстрелом будет причинен вред человеку [28, с. 246]. Однако, практически тот же подход просматривается и законодателем при описании косвенного умысла, в результате чего, возникают существенные проблемы при разграничении легкомыслия и косвенного умысла.

Представляется, что на основе установления факта достаточной близости легкомыслия и косвенного умысла можно сделать вывод о том, что в качестве одного из важнейших признаков легкомыслия выступает осознание общественной

опасности, в то время как фактически в определении легкомыслия рассматриваемый признак отсутствует [58, с. 1633]. При предвидении лицом возможности наступления общественно опасных последствий своих действий не может не присутствовать осознание их общественной опасности, что характеризует и легкомыслие.

Таким образом, подавляющее число исследователей сходится в мнении о том, что в основе разграничения легкомыслия и косвенного признака может лежать самонадеянный расчет на то, что последствия каким – либо образом будут предотвращены.

Данная позиция обосновывается тем, что при легкомыслии у лица имеются определенные навыки, опыт, обусловленные его профессионализмом, в силу чего, данное лицо и имеет расчет на то, что обладает способностью предотвращения последствий либо у него имеется расчет на объективные факторы, которые позволяют исключить возможность наступления последствий.

В качестве признаков легкомыслия научные деятели выделяют различные. Так, в частности, к ним относят:

- совершение виновным определенных действий, направленных на предотвращение возможных негативных последствий;
- наличие у субъекта определенных профессиональных навыков в силу соответствующего образования либо трудовой деятельности;
- наличие опыта подобных действий в прошлом, когда в их результате никаких негативных последствий не наступило [30, с. 31].

Предлагаются и иные признаки легкомыслия, среди которых:

- наличие у лица соответствующих личных качеств: знаний умений., навыков;
- возможных действий иных лиц или механизмов;
- физических, химических законов;
- соответствующей обстановки.

При этом, расчет должен быть не случаен, а строиться на основе тех условий, которые в действительности могут способствовать предотвращению наступления возможного опасного результата [40, с. 102].

Несмотря на то, что в теории все вроде бы выглядит достаточно ясным, то на практике установление рассматриваемых обстоятельств обусловлено существенными сложностями.

Так, существующая граница между такими формулировками как «сознательно допускал» и «не желал» искусственна, в связи с чем и возникаю сложности в разграничении рассматриваемых видов вины.

Однако, ч. 2 ст. 26 УК РФ предусматривает, что легкомыслие имеет место лишь при расчете лица на самостоятельное, его усилиями предотвращение общественно опасных последствий [57, с. 102].

Таким образом, можно говорить о том, что лицами, придерживающимися данной позиции, отстаивается мнение, в соответствии с которым при совершении лицом несомненно опасного поступка, опасность которого очевидна всем (например, гонки на большой скорости в местах, где могут передвигаться и

другие транспортные средства), нельзя предполагать о наличии у лица расчета на то, что последствия деяния могут быть предотвращены, поскольку в таком случае единственный способ избежания опасных последствий – несовершение деяния.

Из всех приведенных позиций четко следует один вывод: между легкомыслием и косвенным умыслом существует крайне тонкая грань, в связи с чем, при квалификации схожих действий у правоприменителя, в основном, преобладает субъективное мнение.

На основе анализа позиций большинства ученых можно сделать вывод о том, что в тех случаях, когда речь идет о расчете виновным на те обстоятельства, которые по сути являются малозначительными, содеянное должно рассматриваться как совершенное с косвенным умыслом [96, с. 2].

Отсутствие четкой законодательной позиции по рассматриваемому вопросу приводит совершенно ожидаемо и к проблемам в правоприменительной практике, приводя к субъективному пониманию грани рассматриваемых видов виды. В результате возникает нередко абсурдная ситуация, когда квалификация содеянного как убийства или покушения на убийство правоприменителями осуществляется лишь тогда, когда удары виновным наносились в область головы или груди потерпевшего, а как причинение вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть, квалифицируются все остальные действия, точнее, удары в другие части тела человека.

И в науке по данному поводу отмечается, что при нанесении сильных ударов в область жизненно важных органов каким – либо предметом, либо руками, ногами, человек не может не осознавать того, что в результате таких действий могут наступить опасные последствия. Если удары наносятся в область сердца, или в остальные части тела, где расположены жизненно важные органы, не осознавать возможность наступления в данном случае смерти может только невменяемое лицо, соответственно, в указанных ситуациях надлежит расценивать содеянное как совершенное с косвенным умыслом [55, с. 559].

В то же время, как свидетельствует судебная практика, достаточно часто подобные действия и органами предварительного расследования, и судами квалифицируются как причинение смерти по неосторожности, даже когда действия виновных сопровождаются особой жесткостью. Представляется, что такой подход категорически не верен, когда действия виновных лиц четко свидетельствуют о том, что лицами допускалась возможность наступления абсолютно любых последствий, в том числе и смерти, имеет место косвенный умысел на убийство.

Полагаем, что, производя разграничение легкомыслия и косвенно умысла, прежде всего, следует исходить из того, какова была направленность событий, из которых состоит цепочка причинно-следственных связей между преступным деянием и преступным результатом [59, с. 48].

Как проблему, следует отметить тот факт, что нередко судами при квалификации деяний как совершенных по легкомыслию, не уточняются обстоятельства, на которые у виновного был расчет, и, соответственно, не выясняется, насколько такой расчет был обоснован, не является ли он явно

нереальным. В приговорах, как правило, характеризуя форму вины, в таком случае, суд указывает расплывчатую формулировку «легкомысленно без достаточных оснований самонадеянно рассчитывал предотвратить последствия».

Таким образом, квалифицируя деяние, в результате которого потерпевшему причинена смерть, следует учитывать все обстоятельства содеянного, а также устанавливать наличие или отсутствие смягчающих и отягчающих обстоятельств. Как простое убийство деяние может быть квалифицировано только после того, как установлено, что деяние не может быть квалифицировано как привилегированное убийство и как убийство при квалифицирующих признаках.

Наиболее сложным является вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ и преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ. Согласно Постановлению Пленума «О судебной практике по делам об убийстве» здесь следует иметь ввиду тот факт, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности [107]. При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Однако на практике определить, на что именно был направлен умысел виновного, определить довольно сложно. Фактически, имея умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, который является опасным для жизни, виновный должен допускать, что это может повлечь наступление смерти, что уже будет являться косвенным умыслом, а не неосторожной формой вины. В результате в судебной практике на настоящий момент спор о квалификации данных преступлений фактически решается на основании позиции виновного, с которой тот объясняет имеющийся у него умысел. На взгляд автора, следует исключить из УК РФ норму, предусмотренную ч. 4 ст. 111 УК РФ и охватываемые ей деяния квалифицировать по соответствующим частям ст. 105 УК РФ. Это и справедливо по той причине, что верхний порог санкций ч. 4 ст. 111 и ч. 1 ст. 105 УК РФ одинаков.

В том случае, когда лицо причиняет смерть себе самостоятельно, имеет место самоубийство, и деяние уголовно не наказуемо, так как убийством признаются только действия или бездействие, направленные, на причинение смерти другим лицам. Если же другое лицо будет оказывать помощь в самоубийстве активными действиями (например, выбьет табуретку из-под ног человека, который завязал петлю на шее в целях суицида), то данное лицо будет подлежать уголовной ответственности за убийство по общим правилам, поскольку смерть здесь наступит в результате его действий.

Выводы по разделу 4

При квалификации убийств и отграничения их от смежных составов возникает значительное количество проблем. Одна из них – вопрос о возможности добровольного отказа от убийства, когда покушение окончено – лицо действия совершило, но преступный результат не наступил, и при наличии возможности довести преступление до конца, субъект данную возможность не использует. Мы придерживаемся позиции, отстаиваемой большинством исследователей – в данном случае не может усматриваться добровольный отказ, содеянное является покушением на убийство.

Наиболее сложным, является вопрос разграничения убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности. Полагаем, что в данном случае имеет место очень тонкая грань между определением неосторожности относительно последствий в виде смерти и косвенным умыслом. Поэтому предлагается исключить ч. 4 ст. 111 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно отметить, что цель дипломного исследования была достигнута. В результате были изучены преступления, квалифицирующиеся как убийства. Была раскрыта суть понятия преступления «убийство», и освещено становление этого термина в национальном праве России.

Принцип правового государства основывается на том, что население нашей страны наделено личными правами, а одним из существенных прав, является право на жизнь. Объектом указанной категории преступлений выступает жизнь человека, как важнейшая социальная ценность любого современного общества, и, в том числе современного общества Российской Федерации. Категория преступлений против жизни, в которую входит такое преступление как убийство, относится к наиболее тяжким преступлениям против личности. Подобная квалификация объясняется тем, что данные преступления посягают на человеческую жизнь – высшую ценность, естественное и неотчуждаемое благо. При изучении исторических аспектов видно, что такое преступление как убийство является наиболее древним преступлением. Уголовное законодательство древнего мира и средних веков всегда почти начинается именно с преступления в виде убийства.

К сожалению, именно эффективность и научная обоснованность деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия совершению преступлений против жизни вызывают некоторые сомнения.

Необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «убийство» не подлежит сомнению, поскольку жизнь человека является высшей ценностью. Проблема лишения жизни одного человека другим отслеживается еще с древних времен. Провозглашение различными странами себя в качестве правовых государств ставит особые задачи перед ними в сохранении и соблюдении права каждого гражданина на жизнь.

Право на жизнь охраняется уголовным законодательством любого правового государства. Между тем, понятие «убийство» в законодательстве таких стран как: Республика Молдова, Республика Узбекистан закреплено очень лаконично и не охватывает всех особенностей состава данного вида преступления. Данная проблема вызывает жары споры среди теоретиков уголовного права.

Проведя анализ изученной литературы и нормативных правовых актов, в разрезе данной темы и главы выпускной квалификационной работы, установили, что важным периодом в развитии понятия «убийство» является его исследование, которое определило направление формирования изучаемого определения в уголовном законодательстве по данному аспекту в дальнейшем.

Анализ имеющихся источников литературы, материалов периодической печати по теме исследования, позволяет согласиться с тем, что ни в науке уголовного права не раскрывают всех признаков убийства.

Закрепление полного определения понятия «убийство» на законодательном уровне представляет особую важность как для теории уголовного права, так и для правоприменительной деятельности. В понятии «убийство» важно установление всех признаков объективной и субъективной стороны рассматриваемого

преступления, так как для определения виновности лица требуется наличие всех обязательных признаков состава преступления и очевидна необходимость в корректировке определения понятия «убийства» и указания этих признаков

В рамках данной работы проведено исследование уголовного законодательства стран СНГ и Балтики в части закрепления дефиниции «убийство».

Предлагаем трактовку понятия «убийство» для закрепления в ч. 1 ст. 105 УК РФ: «Убийство – это общественно опасное деяние, носящее противоправный характер, выраженное в умышленном причинении смерти другому человеку и не направленное одновременно на какое-либо иное охраняемое уголовным законодательством общественное отношение». Кроме того, требуется внести определенные изменения в перечень квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Уголовно-правовая наука не содержит единый подход к выявлению объекта преступления против жизни, к чему причисляется и убийство. По мнению исследователей явный объект убийства - отношения общества по охране здоровья и жизни.

Общий объект убийства – это совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств.

Родовой объект убийства образуют общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни граждан.

Видовым объектом преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека.

Объективная сторона убийства, сконструирована как материальный состав преступления и характеризуется тремя основными признаками:

- деянием,
- последствием,
- причинной связью между деянием и последствием.

Кроме обязательных признаков объективной стороны состава убийства на его квалификацию могут влиять и факультативные признаки: способ, обстановка, обстоятельства времени.

Субъективные признаки убийства – это субъект и субъективная сторона, то есть, совершившее данное деяние лицо и его внутреннее отношение к содеянному деянию.

Для того, чтобы лицо выступило субъектом по рассматриваемому преступлению, оно должно обладать тремя обязательными признаками: быть физическим лицом, достигнуть возраста уголовной ответственности (в рассматриваемом деянии – 14 лет) и быть вменяемым. Поскольку общественная опасность убийства наиболее высока, законодатель предусмотрел минимальный возраст наступления уголовной ответственности в данном случае, который предусмотрен российским законодательством. Однако, представляется, что следует обратить внимание на опыт других государств, где ответственность за ряд преступлений наступает уже с 12 лет, так как нет сомнений, что даже в этом возрасте человек способен осознавать опасность своих действий. И в нашей

стране видится необходимым пойти по тому же пути – снизить минимальный возраст уголовной ответственности до 12 лет и предусмотреть, что именно с этого возраста возможно наступление уголовной ответственности по некоторым составам преступлений, в частности, в случае совершения убийства – обычного и квалифицированного.

Такое деяние, как убийство, может быть совершено опосредованно, и в таком случае возникают проблемы в правоприменительной практике. Представляется, что следует дополнить понятие исполнителя указанием на возможность совершения преступления посредством использования иных сил, это позволит четко осознавать правоприменителям возможность привлечения в таком случае лица, которое совершило данное деяние посредством использования иных сил, и приведет к единообразию судебной практики по рассматриваемому вопросу.

Субъективная сторона убийства всегда характеризуется умышленной формой вины – лицо осознает общественную опасность своих действий и последствий. При этом, умысел может быть прямым или косвенным. В первом случае последствия преступления в виде смерти являются желаемыми, а во втором лицо их напрямую не желает, но допускает или относится безразлично, не задумываясь о результате.

Особым значением обладают мотив и цель совершения убийства, поскольку некоторые из них, прямо выделенные законодателем, оказывают влияние на квалификацию, уголовная ответственность за содеянное в таком случае повышается и имеет место квалифицированный вид убийства.

При квалификации убийств и отграничения их от смежных составов возникает значительное количество проблем. Одна из них – вопрос о возможности добровольного отказа от убийства, когда покушение окончено – лицо действия совершило, но преступный результат не наступил, и при наличии возможности довести преступление до конца, субъект данную возможность не использует. Мы придерживаемся позиции, отстаиваемой большинством исследователей – в данном случае не может усматриваться добровольный отказ, содеянное является покушением на убийство.

Наиболее сложным, является вопрос разграничения убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности. Полагаем, что в данном случае имеет место очень тонкая грань между определением неосторожности относительно последствий в виде смерти и косвенным умыслом. Поэтому предлагается исключить ч. 4 ст. 111 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 1995. – 05 апреля.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – ст. 163.
4. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. – М.: Юрид. лит., 2017. – 97 с.
5. Уголовный Кодекс РСФСР от 08.06.1960 г. «Об основах государственного регулирования уголовного права в СССР» // Российская газета. – 2010. – 23 декабря.
6. Уголовный Кодекс РФ Официальный текст. ФЗ «Уголовный Кодекс РФ с комментариями» // Российская газета. – 2017г. – 11 ноября.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (ред. от 22.12.2020) // СПС «Консультант Плюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
8. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 39. – 24 сентября 2012 г.
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2016–2020 гг. // Официальный сайт МВД России. – <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>
10. Преступность: убийства в России за год статистика, количество по регионам. – <https://www.sites.google.com/site/ruregdatav1/prestupnost-ubijstva-v-rossii>
11. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. – <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>
12. Свод законов 1832 г. – <https://rosexpertpravo.ru/articles/svod-zakonov-1832-g-i-ulozhenie-o-nakazaniyakh-1832>
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – <https://rosexpertpravo.ru/articles/-ulozhenie-o-nakazaniyakh-ugolovnykh-i-ispravitelnykh-1845>

14. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – <http://library6.com/item/553030>
15. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Ведомости СУ РСФСР. – 1922 – № 15 – Ст. 153 (утратил силу).
16. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926 – № 80 – Ст. 600 (утратил силу).
17. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960 – № 40 (утратил силу).
18. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года. – <http://docs.cntd.ru>
19. Уголовный кодекс Киргизской Республики 1997 года. – <http://www.kenesh.kg>
20. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 года. – <http://www.crime.vl.ru>
21. Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 года. – <http://lex.justice.md/>
22. Уголовный кодекс Литовской Республики 2000 года. – <http://law.edu.ru>
23. Уголовный кодекс Эстонской Республики 2002 года. – <http://www.crime.vl.ru>
24. Уголовный кодекс Латвийской Республики 1998 года. – <http://law.edu.ru>
25. Уголовный кодекс Республики Армения. – <http://law.edu.ru>)
26. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – <http://law.edu.ru>)
27. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – <http://law.edu.ru>)
28. Айдамирова, Л.Д. Легкомыслие как вид неосторожной формы вины / Л.Д. Айдамирова // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 246.
29. Азаркин, И.М. История юридической мысли России: курс лекций / И.М. Азаркин – М.: Либрус, 2016. – 387 с.
30. Актуальные проблемы Общей части уголовного права. Учебник. / под ред. И.А. Подройкина, И.А. Фаргиев. – М.: Проспект, 2020. – С. 31.
31. Андреева, Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: учебное пособие / Л.А. Андреева. – Санкт-Петербург: Лавьер, 2020. – 216 с.
32. Антонян, Ю.М. Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Ю.М. Антонян. / Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 2. – 243 с.
33. Антонян, Ю.М. Убийства ради убийства / Ю.М. Антонян. – М.: Ассоль, 1998. – 185 с.
34. Арабянц, З.А. Криминалистическая квалификация убийств, совершенных по найму / З.А. Арабянц // Научный журнал КубГАУ. – 2010. – № 62 (08). – С. 8.
35. Арсанукаев, И.С. Квалификация убийств, совершенных с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение / И.С. Арсанукаев // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 11. – С. 127.
36. Бабичев, А.Г. Конструктивные признаки в составе убийства матерью новорожденного ребенка / А.Г. Бабичев // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 11. – С. 178.
37. Бойко, Е.В. Обязательства государства по ст. 2 конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г / Е.В. Бойко // Актуальные проблемы

- российского права. – 2009. – № 2 (11). – С. 335–340.
38. Безуглов, А.А. Человек и закон. Об ответственности против жизни и здоровья личности: учебник / А.А. Безуглов. – М.: Юридическая литература, 2020. – 321 с.
  39. Борисов, А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2018. – 154 с.
  40. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум. Учебное пособие / В.Б. Боровиков. – М.: Юрайт, 2019. – 102 с.
  41. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Общая часть. Учебник. / под ред. В.Б. Боровиков, А.А. Смердов. – М.: Юрайт, 2020. – 22 с.
  42. Бородин, С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству: учебник / С.В. Бородин. – М.: Книга, 2018. – 106 с.
  43. Бородин, С.В. Квалификация преступлений против жизни: учебник / С.В. Бородин. – М.: Право 2017. – 159 с.
  44. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву: учебник / С.В. Бородин. – М.: Наука 2021. – 261 с.
  45. Бриллиантов, А.В. Уголовное право в таблицах и определениях. / А.В. Бриллиантов. – М.: Эксмо, 2019. – 59 с.
  46. Брылев, В.И. Мотивы и цели квалифицированных составов убийства: п. «е1», п. «з», п. «и» ч. 2 ст. 105 УК Ф / В.И. Брылев, К.К. Станкевич // Известия Тульского государственного университета. – 2016. – № 1–2. – С. 54.
  47. Векленко, С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 129.
  48. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права: учебное пособие / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Нижний Новгород: Книга юриста, 2014. – 89 с.
  49. Володин, Д. Сон и сильная степень опьянения как обстоятельства, свидетельствующие о беспомощном состоянии потерпевшего: учебное пособие / Д. Володин, А. Попов. – М.: Уголовное право, 2017. – 39 с.
  50. Галиакбаров, Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом: учебное пособие / Р. Галиакбаров. – М.: Российская юстиция, 2017. – 47 с.
  51. Гарбатович, Д.А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: монография / Д.А. Гарбатович. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 42 с.
  52. Гаухман, Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами: учебное пособие / Л.Д. Гаухман. – М.: Факел, 1969. – 215 с.
  53. Гитин, В.Б. Анатомия криминала. Убийство. Изнасилование: Социология. Психология. Хиромантия. Астрология: курс лекций / В.Б. Гитин. – Харьков, 2016. – 95 с.
  54. Голубовский, В.Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник / В.Ю. Голубовский. – М.: Проспект, 2020. – 115 с.
  55. Дементьев, С.В. Понятия беспомощного и бессознательного состояния: лекционный курс / С.В. Дементьев. – М.: Российская юстиция, 2021. – 341 с.
  56. Данилов, Е.И. Проблема квалификации преступлений, совершенных по

- легкомыслию / Е.И. Данилов // Аллея науки. – 2019. – И. 3. – № 5 (32). – С. 559.
57. Дуббовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умысла / С.В. Дуббовиченко, В.А. Карповы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1 – № 3. – С. 122.
58. Дубинина, М.И. Отличие косвенного умысла от преступного легкомыслия / М.И. Дубинина // Современные проблемы квалификации преступлений. Сборник научных статей. – 2017. – С. 102.
59. Ефремова, В.А. Элемент осознания общественной опасности при легкомыслии / В.А. Ефремова // Экономика и социум. – 2017. – № 3 (34). – С. 1633.
60. Заремба, А.П. Неосторожные преступления: характеристика, отличительные черты / А.П. Заремба // Интернаука. – 2019. – № 41–2 (123). – С. 48.
61. Иванов, А.Л. Вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А.Л. Иванов // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 48.
62. Иванова, В.В. Преступное насилие: учебное пособие / В.В. Иванова. – Нижний Новгород: Юрлитинформ, 2019. – 203 с.
63. Ивченко, О.А. Зачем Аборигены съели Кука? (Толкование признака-убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего): ознакомительная лекция / О.А. Ивченко. – М.: Домашний адвокат, 2019. – 35 с.
64. Исаев, И.А. История государства и права России: учебник / И.А. Исаев. – М.: Книга, 2018. – 859 с.
65. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования / Н.Г. Кадников. – М.: Юриспруденция, 2015. – С. 40.
66. Капинус, О.С. Убийства: мотивы и цели / О.С. Капинус. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 142–143.
67. Казанский, П.Е. Власть Всероссийского Императора: учебник / П.Е. Казанский. – М.: Юридическая литература, 1999. – 246 с.
68. Козаченко, И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды: учебное пособие / И.Я. Козаченко. – Томск, 2016. – 157 с.
69. Константинов, Л.К. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства: лекция / Л.К. Константинов. – М.: Законность, 2019. – 59 с.
70. Коньшева, А.Л. Понятие психически беспомощного состояния жертвы преступления: лекции по юридической психологии / А.Л. Коньшева. – М.: Российская юстиция, 2017. – 44 с.
71. Коробеев, С.А. Простое убийство и сложности его квалификации: учебное пособие / С.А. Коробеев. – М.: Уголовное право, 2019. – 327 с.
72. Красиков, А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву: учебник / А.Н. Красиков. – Саратов: Юрлитинформ, 2019. – 186 с.
73. Красиков, А.Н. Преступления против личности: учебник / А.Н. Красиков. – Саратов: Юрлитинформ, 2021. – 146 с.

74. Красиков, А.Н. Преступления против права человека на жизнь: учебное пособие / А.Н. Красиков. – Саратов: Юрлитинформ, 2021. – 201 с.
75. Кириллова, А.А. Предмет судебного разбирательства по уголовным делам об убийстве / А.А. Кириллова // Российский судья. – 2020. – № 11. – С. 26–33.
76. Колокольцева, К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства / К.А. Колокольцева // Молодой ученый. – 2015. – № 21. – С. 617.
77. Кондрашова, Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашова. – Екатеринбург: Юрлитинформ, 2000. – С. 128.
78. Кондрусевич, Н.П. Проблемы определения моментов начала и окончания жизни в уголовном праве / Н.П. Кондрусевич // Юридический факт. – 2018. – № 28. – С. 58–61.
79. Краев, Д.Ю. О субъективной стороне убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего / Д.Ю. Краев // КриминалистЪ. – 2015. – № 2 (17). – С. 13.
80. Краев, Д.Ю. Уголовная ответственность за убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение / Д.Ю. Краев // Криминалисту. – 2014. – № 2 (15). – С. 24.
81. Красовская, О.Ю. К вопросу о применении минимального возраста уголовной ответственности / О.Ю. Красовская, А.С. Лебедева // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 107.
82. Круть, О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий / О.В. Круть // Вестник Института экономических исследований. – 2017. – № 3 (7). – С. 174.
83. Кузнецов, В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве / В.И. Кузнецов // Сибирский Юридический Вестник. – 2021. – № 1 – С. 23–29.
84. Кузьмина, Д.К. Отличие преступного легкомыслия от косвенного умысла / Д.К. Кузьмина, Н.О. Елгина // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам LXXX международной научно-практической конференции. – 2018. – 60 с.
85. Кудрявцев, С.В. Конфликт и насильственное преступление: курс лекций по юридической психологии / С.В. Кудрявцев. – М.: Книга, 2019. – 96 с.
86. Лиханова, И.И. Мотив и цель простого убийства, совершенного в условиях исправительных учреждений / И.И. Лиханова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – 2016. – № 4 (33). – С. 103.
87. Лощинкин, В.В. К вопросу об освобождении невменяемых лиц от уголовной ответственности и применении к ним принудительных мер медицинского характера / В.В. Лощинкин // Вестник Томского университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 69.
88. Лызлов, А.И. Добровольный отказ от доведения убийства до конца на стадии покушения / А.И. Лызлов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 3 (41). – С. 91.

89. Манаширова, Е.Н. Мотивы и цели совершения преступлений. Пермский период / Е.Н. Манаширова // Сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. – 2019. – 113 с.
90. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России: сборник исторических документов / А.Г. Маньков. – Ленинград: Книга, 1980. – 1020 с.
91. Марогулова, Н.И. Некоторые вопросы квалификации убийства: обзорные лекции по уголовному праву / Н.И. Марогулова. – М.: Солнце, 2017. – 165 с.
92. Маукевич, Б.И. Уголовно-правовой анализ убийств по найму: методическое пособие / Б.И. Маукевич. – М.: Уголовное право, 2019. – 152 с.
93. Меркушов, А.Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ: аналитический лекционный обзор / А.Е. Меркушов. – Пермь: Админ, 2017. – 64 с.
94. Мурадян, А.А. К вопросу о квалификации убийства, совершенного при разбойном нападении / А.А. Мурадян // Вестник молодого ученого Кузбасского института ФСИН России. – Новокузнецк, 2017. – С. 69–72.
95. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. / А.В. Наумов. – М.: Проспект. 2020. – 108 с.
96. Нафиев, С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация / С.Х. Нафиев. – Казань: Юрлитинформ, 1999. – 57 с.
97. Нафиков, М.М. Проблемы определения субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (вопросы теории и практики) / М.М. Нафиков // Мировой судья. – 2010. – № 2. – С. 2.
98. Насильственная преступность: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Уголовное право, 2020. – 358 с.
99. Никифоров, А.О. Ответственность за убийство в современном уголовном праве: учебник / А.О. Никифоров. – М.: Книга, 2020. – 270 с.
100. Никифоров, А.С. Квалифицированное убийство в современном Европейском континентальном и англо-американском уголовном праве: методическое пособие / А.С. Никифоров. – М.: Российское право, 2019. – 56 с.
101. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография. / Т.А. Плаксина. – Барнаул.: Изд-во Алтайского университета, 2006. – 190 с.
102. Побегайло, Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно правовое и криминалистическое исследование: методическое пособие / Э.Ф. Побегайло. – Воронеж: Юрлитинформ, 1965. – 159 с.
103. Попов, А.В. Квалификация убийства, совершенного неоднократно: методическое пособие / А.В. Попов. – М.: Российская юстиция, 2020. – 59 с.
104. Попов, А.В. Беспомощное состояние потерпевшего должен осознавать убийца, а не потерпевший: методические заметки / А.В. Попов. – М.: Российская юстиция, 2020. – 113 с.
105. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. В 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского и др. – Т. 5 – М.: Совлитправо, 1971. – 210 с.

106. Побегайло, Э.Ф. Уголовное право России. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Э.Ф. Побегайло; под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Юрлитинформ, 1998. – 205 с.
107. Романовский, Г.Б. Начало жизни человека в уголовном праве / Г.Б. Романовский // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью – 2020. – № 3. – С. 43–49.
108. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 (в ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» // Российская газета. – 1999. – 9 февраля.
109. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 16 мая 2017 года) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – 28 июня. – № 137.
110. Определение Верховного Суда РФ от 14 октября 2016 года по делу № 1–76/2016. – СПС «КонсультантПлюс».
111. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». – СПС «КонсультантПлюс».
112. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 января 2018 года по делу № 22–66/2017. – СПС «КонсультантПлюс».
113. Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 05 сентября 2018 года по делу № 1–82/2018 // Архив Калининского районного суда г. Челябинска.
114. Приговор Челябинского областного суда от 11 октября 2018 года по делу № 1–67/2018. – <https://sudact.ru/>
115. Приговор Центрального районного суда г. Челябинск от 11 июня 2019 года по делу № 1–49/2019 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска
116. Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска от 15 сентября 2019 года по делу № 1–69/2019 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска
117. Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 23 сентября 2019 года по делу № 1–76/2019 // Архив Советского районного суда г. Челябинска
118. Приговор Челябинского областного суда от 12 ноября 2019 года по делу № 1–74/2019. – <https://sudact.ru/>
119. Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 22 ноября 2019 года по делу № 1–102/2019 // Архив Советского районного суда г. Челябинска
120. Приговор Курчатовского районного суда Челябинской области от 10 декабря 2019 года по делу № 1–332/2019 // Архив Курчатовского районного суда Челябинской области
121. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 12 февраля 2020 года по делу № 1–24/2020 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска

122. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 25 февраля 2020 года по делу № 1–30/2020 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска
123. Приговор Челябинского областного суда от 18 апреля 2020 года по делу № 1–48/2020. – <https://sudact.ru/>
124. Приговор Хабаровского краевого суда (Хабаровский край) № 2–14/2020 от 28 августа 2020 г. по делу № 2–14/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/VrOWhWOPsZY2/>
125. Приговор Свердловского областного суда № 2-34/2019 2-5/2020 от 25 августа 2020 г. по делу № 2-34/2019. – <https://sudact.ru/regular/doc/y0KJEbZTw5Uh/>
126. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан № 2-10/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2-10/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/oRGueB00RRg3>
127. Приговор Новокузнецкого районного суда № 1-85/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1–190/2019. Судебные и нормативные акты РФ. – <http://sudact.ru/regular/doc>
128. Рарог, А.И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2020. – 98 с.
129. Рогов, В.А. Уголовное наказание и репрессии в России (15-17 вв.): учебное пособие / В.А. Рогов. – М.: Наука, 2017. – 375 с.
130. Сарыев, Б.С. Ответственность за преступления против жизни и здоровья: курс лекций / Б.С. Сарыев. – Ашхабад: Узбекиздат, 2018. – 215 с.
131. Севостьянов, Р.А. Зависть как мотив совершения преступления / Р.А. Севостьянов // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 3 А. – С. 222.
132. Солдатова, Т.А. Мотив и цель преступления – актуальные проблемы квалификации убийств / Т.А. Солдатова // Свобода и право. Сборник статей XVII Международной научной конференции. – 2017. – 43 с.
133. Соловьев, В.О. К вопросу о понятии мотива преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации / В.О. Соловьев // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 97.
134. Стешич, Е.С. Мотив и мотивировка в умышленных преступлениях против жизни / Е.С. Стешич // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2 (48). – С. 14.
135. Тер-Акопов, А.А. Библиейские заповеди: христианство как метаправо современных правовых систем: учебное пособие / А.А. Тер-Акопов. – М.: Российская юстиция, 2016. – 98 с.
136. Тишкин, А.В. Убийство по найму: значение корыстного мотива при квалификации преступления. Проблема соотношения убийства по найму с корыстными преступлениями / А.В. Тишкин // Молодой ученый. – 2013. – № 5. – С. 555.
137. Ткаченко, В.К. Толкование закона, по делам об убийствах: лекция / В.К. Ткаченко. – М.: Законность, 2021. – 39 с.
138. Тяжкие и особо тяжкие преступления квалификация и расследование.

- Руководство для следователей: учебник / под ред. С.Г. Кехлерова. – М.: Знание, 2018. – 157 с.
139. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Ф. Здравомыслова. – М.: Юрист, 2019. – 461 с.
140. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Б.Ф. Здравомыслова. – М.: Юрист, 2020. – 432 с.
141. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. З.А. Козаченко. – М.: Наука, 2021. – 506 с.
142. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2017. – 298 с.
143. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.Н. Красикова. – Саратов: Юрлитинформ, 2019. – 495 с.
144. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Литмир, 2016. – 536 с.
145. Уголовное право: учебник / под ред. Л.А. Прохорова. – М.: Либрус, 2021. – 715 с.
146. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.М. Рарога. – М.: Наука, 2020. – 384 с.
147. Чеботарева, С.А. Отграничение причинения смерти по неосторожности от иных преступлений против жизни / С.А. Чеботарева // Сборник научных трудов магистрантов и аспирантов. Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2017. – 346 с.
148. Шарапов, Р. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа / Р. Шарапов // Уголовное право – 2005. – № 1 – С. 75–82.
149. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья // М.Д. Шаргородский. – М.: Советский юрист, 1948. – 238 с.
150. Эпова, Д.Д. К вопросу об определении момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека / Д.Д. Эпова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2019 г.). – Казань: Бук. – 2019. – 259–262 с.
151. Юшков, С.В. Русская правда: Происхождение, источники, ее значение: справочное пособие / С.В. Юшков. – М.: Знамя, 1950. – 475 с.
152. Якушин, В.А. Мотивы и цели преступления: учебное пособие / В.А. Якушин. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2016. – 10 с.
153. Якушин, В.А. Некоторые вопросы квалификации убийств / В.А. Якушин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – № 2. – С. 211–230.
154. Яни, П.С. Хулиганский мотив убийства / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 7. – С. 13.